

**КОНСТИТУЦИОННОЕ
ПРАВОСУДИЕ**

**ВЕСТНИК
КОНФЕРЕНЦИИ
ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
СТРАН МОЛОДОЙ ДЕМОКРАТИИ**

ВЫПУСК 1 (11) 2001

**ИЗДАЕТСЯ ЦЕНТРОМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ЕРЕВАН 2001**

Содержание

#1(11) 2001

Актуальные проблемы конституционного правосудия

- **Г. А. Василевич** Конституция - главный документ для законотворческой и правоприменительной деятельности
- **G. A. Vasilevich** Constitution – basic document for the legislative and law-implementing operation (in English)
- **А.Ш. Арутюнян** Инкорпорация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в национальное право постсоветских стран: проблемы и перспективы
- **A.Sh. Harutiunyan** Incorporation of the European Convention on Human Rights Protection into the National Law in the Post-soviet Countries. Problems and Perspectives (in English)
- **Н. А. Насыко** О соотношении конституционной юстиции социальной политики российского государства
- **С.С. Аветисян** Конституционные предпосылки и условия обеспечения прав пострадавших от преступлений

Из истории конституционного права

- **М.А. Митюков** Зарождение идей конституционного правосудия в России (XIX - начало XXвв.)
- **В. В. Погосян** Феномен конституции в армянской политико-правовой мысли
- **Valery V. Poghossian** The Phenomenon of Constitution in Armenian Political and Legal Thought (in English)

Информации, факты, сообщения

- Заседание Конференции Европейских Конституционных Судов
- Визит делегации Конституционного Суда Румынии в Российскую Федерацию и Республику Армения
- Визит в Армению министра иностранных дел Латвии - председательствующей страны в Совете Европы
- Конституционному Суду Республики Армения - 5 лет
- Прием в Конституционном Суде РА
- Председателем Конституционного Суда Республики Таджикистан назначен М. Салихов
- Председателем Конституционного Совета Республики Казахстан назначен Ю. Хитрин
- Баглаю М.В. - 70 лет
-

**Конституция - главный документ
для законотворческой и правоприменительной деятельности**

Во всех современных государствах в качестве основного, связующего элемента всей правовой системы признается демократическая Конституция. Иногда раздаются утверждения, что для исполнения конституционных норм их необходимо продублировать в законе или ином нормативном акте. Однако это не что иное как архаичный взгляд на Конституцию, когда Основной Закон рассматривался в качестве пустой декларации, когда правоприменители, в том числе и суды, даже не пытались делать ссылки на нормы Конституции при принятии решения. Полагаю, что от такого подхода к оценке Конституции необходимо отказаться. Она - ядро правовой системы. Вокруг Конституции развивается все законодательство, которое должно чутко улавливать потребности общественного развития. В то же время следующим важнейшим юридическим свойством Конституции является ее верховенство и непосредственный характер действия. К сожалению, немало и среди юристов тех, кто считает, что для конституционных норм нехарактерно непосредственное действие. Отмечу при этом, что само понимание конституционных норм может меняться с учетом изменений в политической, экономической и социальной сферах. Каковы исходные начала для оценки законодательства с точки зрения соответствия его Конституции? Конституционный Суд, проверяя конституционность оспариваемого нормативного акта, устанавливает соответствие его Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам Президента: 1) по содержанию норм; 2) по форме нормативного акта; 3) с точки зрения разграничения компетенции между государственными органами; 4) по порядку принятия, подписания, опубликования и введения в действие. Вначале выскажу свой взгляд о соподчиненности нормативных актов. Существуют общие принципы построения иерархии законов и других нормативных правовых актов, хотя это и не исключает существование национальных особенностей.

Смысл и содержание конституционных норм предопределяются общепризнанными принципами международного права. Именно такой вывод можно сделать из содержания статьи 8 Конституции. Вслед за Конституцией Республики Беларусь идут: 1) конституционные законы, включая и законы о толковании Конституции (ст. 140 Конституции); 2) международные договоры, ставшие обязательными для Республики Беларусь (ст. 8, 116 Конституции); 3) программные законы (сюда следовало бы отнести и закон о бюджете); 4) законы, декреты, указы (об их соподчиненности будет сказано позднее); 5) постановления Правительства; 6) акты Национального банка, акты министерств, исходя из их компетенции; 7) акты органов местного управления и самоуправления.

В нашем государстве не получила своего развития так необходимая практика нормативного толкования конституционных норм в целях обеспечения их единообразного толкования. Правом казуального толкования Конституции обладает Конституционный Суд, однако мы видим по многочисленным жалобам граждан, поступающим в Конституционный Суд, что их инициатива по разрешению конституционного спора часто блокируется. Сложные вопросы вместо их разрешения загоняются вглубь. Приходится констатировать, что есть лица, в том числе и среди чиновников, которые не против представить рассмотрение дел в Конституционном Суде как чуть ли не национальную трагедию. Видимо, опасения эти обусловлены тем, что Конституционный Суд

может разрешить дело не из конъюнктурных соображений, а исходя из требований права. Хочу высказать свой взгляд на разрешение спора в Конституционном Суде. Наиболее удачным может быть такое в рамках права решение, которым обеспечивается оптимальное сочетание интересов отдельной личности, общества и государства в целом. Всегда решение Конституционного Суда должно быть правовым. Опыт свидетельствует, что вынесение самим Конституционным Судом не конституционных, а явно политических или конъюнктурных решений приводит к утрате им своей легитимности, отторжению принятых решений.

Однако обратимся к еще одному общему юридическому аспекту. Всем известна статья 137 Конституции, в которой указано, что законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией. На практике вызывает вопросы положение части третьей этой статьи о том, что в случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. Встречи с юристами, в том числе судьями, прокурорами, адвокатами, юрисконсультами, то есть с теми, кто в повседневной деятельности принимает юридически значимые решения, показывают, что здесь необходимы разъяснения. Эту норму следует толковать с учетом действия принципа разделения властей: все ветви власти соизмеряют свои акты с Конституцией. И Президент, и Парламент, и суды основывают свои решения на Конституции. Конечно, в советское время речь традиционно всегда шла о верховенстве закона в узком смысле этого слова - как акта, принятого парламентом. Однако в настоящее время существуют три достаточно независимые ветви власти. Закон как источник правового регулирования должен остаться основным регулятором общественных отношений. Вместе с тем есть исключительно конституционные полномочия Президента, которые он может реализовать посредством издания указов или распоряжений (издание декретов означает, что Президент в соответствии с Конституцией “вторгается” в законодательное поле Парламента). Указ, изданный на основе Конституции, может по своей юридической силе идти вслед за Конституцией. Логическим завершением этой конструкции было бы наделение Конституционного Суда правом разрешения споров о компетенции. Ведь правоприменителю необходимо определить не в политическом, а в юридическом смысле, какой акт выше - закон или указ. Вот для этих целей за рубежом и наделяют конституционный суд правом разрешения споров о компетенции. У нас в стране этого нет, однако выходом из данной ситуации может быть постановка вопроса о проверке этих актов, по-разному регулирующих один и тот же вопрос, на соответствие Конституции. В процессе этого и будет выявлено верховенство.

Недостатком парламентской деятельности в последние шесть лет, в том числе и Верховного Совета 12-го созыва, является то, что во исполнение Конституции не приняты законы, прямо в ней указанные. Например, направленные на реализацию статьи 30 Конституции о свободе передвижения и выбора места жительства. Причем иногда раздувают страхи, что без этого все рухнет, будет всплеск преступности, все захотят жить в столице и т.д. Считаю, что речь должна идти о замене жестких норм о прописке такими нормами, которые предусматривают лишь те ограничения, которые продиктованы интересами национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 23 Конституции). Прописка как таковая в сегодняшних условиях может остаться, но с иным правовым режимом, учитывающим необходимость строгого соблюдения конституционных предписаний. Кстати, принятие соответствующего закона и его реализацию следовало бы осуществить до 30 марта 2001 г. Это обусловлено тем, что законом от 15 марта 1994 г. “О порядке вступления в силу Конституции Республики Беларусь” устанавливался максимально возможный переходный период для полной реализации статьи 30 Конституции - семь лет.

Другой пример: о праве граждан на альтернативную службу. Оно закреплено не только в статье 57 Конституции, но и в статьях 1 и 14 закона о всеобщей воинской обязанности и военной службе (1992 г.). Оправдания типа “в законодательстве нет механизма” выглядят надуманными,

они больше подходят для тех, кто только пришел работать со студенческой скамьи. Механизм вырабатывается правоприменителями, в том числе и судами, которые осуществляют не законоудие, а правосудие. Именно о верховенстве права идет речь и в статье 6 Конституции. Право формируется не только нормативными актами, но и доктриной, судебными и административными прецедентами. Кстати, ссылки на то, что судебный прецедент не является источником правового регулирования, безосновательны и не отражают современные тенденции развития. Роль судебного или административного прецедента в системе романо-германского права, к которой принадлежит и белорусское право, несколько иная - он должен иметь по отношению к закону подчиненную роль, но прецедент вполне может восполнять пробелы в действующем законодательстве.

Наше действующее текущее законодательство требует особого анализа. Как огромный вклад Верховного Совета 12-го созыва следует оценивать создание в течение 1990-1994 гг. законодательного массива независимого белорусского государства (за этот период было принято около 400 законодательных актов, т.е. примерно столько же, сколько было принято Верховными Советами предшествующих созывов за 50 лет, начиная с 1938 г.). Не менее значимой является деятельность Палаты представителей 1996-2000 гг. по обновлению законодательства, принятию новых кодексов (об их качестве, конечно, особый разговор). В последние четыре года палаты Парламента активно осуществляли свою законотворческую функцию, но, к сожалению, практически бездействовала контрольная функция.

Важнейшей стадией, предваряющей весь правотворческий процесс, должно стать прогнозирование последствий принятия нормативных актов. На это я обращал внимание в своих публикациях еще в начале 90-х годов. Именно отсутствие мало-мальского прогноза приводит к тому, что по прошествии короткого времени уже принятый нормативный акт начинают концептуально менять (разумеется, столь критически не оцениваю устранение каких-либо огрехов, вполне понятных в правотворческой деятельности, хотя и они должны быть исключены).

Например, закон о налогах и сборах, взимаемых в бюджет, только в 2000 году трижды менялся. Кстати, в сфере налогообложения, регулирования хозяйственной деятельности должно стать правилом обеспечение стабильности законодательства на протяжении хотя бы бюджетного года. При этом можно позаимствовать правило статьи 34 закона об иностранных инвестициях о стабильности гарантий и невозможности их снижения новыми актами законодательства на протяжении пятилетнего или иного периода. Содержание этой нормы сводится к следующему: в случае, если акты законодательства Республики Беларусь, принятые после регистрации предприятия с иностранными инвестициями, ухудшают положение и условия для деятельности иностранных инвесторов и создаваемых с их участием предприятий (т.е. на них возлагаются дополнительные либо увеличенные в сравнении с ранее существовавшими обязанности или они ограничиваются либо лишаются имевшихся прав), то к инвесторам, предприятию с иностранными инвестициями и (или) иностранным инвестициям в течение пяти лет применяется законодательство, действовавшее на день регистрации предприятия с иностранными инвестициями.

Представляется, что одной из острых проблем является определение соотношения декретов и законов, декретов, законов и кодексов, новых и старых актов, общих и специальных. В определенной мере ответ на этот вопрос дает не только Конституция, но и закон о нормативных правовых актах. Однако вопросы, как показывает практика, остаются, когда с принятием нового акта одновременно не корректируются соответствующие нормы других актов либо эта корректировка недопустимо затягивается и тем самым нарушается системность законодательства, оно становится лоскутным, хаотичным, внутренне противоречивым.

Декреты, как того требует часть третья статьи 101 Конституции, должны издаваться в силу особой необходимости. Если есть возможность в период работы сессии принять закон, объявив его срочным, то, на мой взгляд, следует щадяще относиться к праву Президента принимать такого

рода акты. Обратите внимание, что такой вид актов, как декреты, издается по самым непопулярным вопросам. Президент берет на себя все последствия принятия такого акта. Но благородство тоже имеет определенные границы и последствия. Это - во-первых, а, во-вторых, мы часто и не знаем, кто же инициирует такого рода акты, их авторы остаются в тени и тогда, когда в течение недель и месяцев все язвительные стрелы летят в адрес того, кто подписал акт. Представляется, что внесение предложений Президенту об издании декрета должно быть глубоко продуманным и обоснованным, когда другие варианты решения вопроса исключены. В то же время представляется, что в силу своего статуса Президент вправе издавать обеспечивающие исполнение Конституции и законов правовые акты во всех случаях, когда отсутствуют иные предназначенные для этого механизмы, в том числе и в целях восполнения пробелов по причине бездействия законодателя.

Как известно, новый закон имеет большую юридическую силу по отношению к ранее принятому. Это же правило работает и в отношениях “декрет - закон”. А как же соотносятся кодексы, законы и декреты? Необходимо напомнить, что согласно статье 10 закона о нормативных правовых актах, который вступил в силу 21 января 2000 г., кодексы имеют более высокую юридическую силу по отношению к другим законам. Декрет имеет силу закона.

Недавно к нам в Конституционный Суд на отзыв был направлен проект декрета по вопросу возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью граждан. Речь идет о различных подходах решения данной проблемы в Трудовом кодексе и декрете. Сразу обнаруживается, что полностью из поля зрения выпало требование закона о нормативных правовых актах. Так или иначе, но или законодательство, или практику необходимо менять, поскольку, если следовать строго букве статьи 10 закона о нормативных правовых актах, то со дня вступления его в действие, то есть с 21 января 2000 г., коррективы кодексов законами недопустимы, по крайней мере без принятия декрета о приостановлении действия указанной нормы закона. Хотя такой подход по многим причинам нежелателен.

Следует отметить, что закон о нормативных правовых актах определяет методологию разработки и принятия правовых актов. В этой связи очень важна точность содержащихся в них формулировок. Вряд ли можно, например, согласиться с тем, что постановления Правительства всегда являются нормативными правовыми актами и, таким образом, они не могут приниматься по вопросам правоприменения. Выступая за полноценные полномочия Президента, в то же время считаю, что не все указы Президента должны рассматриваться как законодательные акты, что определено в статье 1 закона о нормативных правовых актах, например те из них, которые явно носят подзаконный характер в силу делегирования законом определенных полномочий. Однако такой указ не может возвышаться над законом. В то же время указ, изданный в силу конституционных полномочий, действительно может признаваться законодательным актом. У Президента есть очень сильный механизм воздействия на законодательный процесс - право законодательной инициативы, наложения вето (в том числе выборочного), подписания и опубликования актов.

О придании актам обратной силы. Рассматривая дела в Конституционном Суде, мы часто сталкиваемся с этой проблемой. В части шестой статьи 104 Конституции предусмотрено, что закон не имеет обратной силы, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность. Некоторые юристы ошибочно утверждают, что такие жесткие требования установлены только для закона. Они, к сожалению, не придерживаются взгляда о том, что в указанной норме закреплен по существу важнейший принцип, имеющий универсальный характер, то есть обязательный для введения в действие всех нормативных актов.

Одно из основных требований к нормативным актам - ясность и стабильность правовых правил. В противном случае будет просто накапливаться чувство отторжения власти гражданами. Нормативные акты должны быть понятными для правоприменителя, а не являться юридическими “головоломками”. Именно по причине неясности нормативные акты могут быть оспорены в

Конституционном Суде. Когда норма права сформулирована неясно, необходимо весьма осторожно подходить к вопросам ответственности конкретных лиц. Законодательство должно быть стабильным, но не в плане его консервации, а принятия таких юридических актов, которые бы превосходили потребности завтрашнего дня. Следует исключить нормотворческую “круговерть”. Стабильное современное законодательство - залог стабильного развития государства и общества. В качестве одного из отрицательных примеров не столько неудачного законодательства, сколько плохой работы по устранению внутренних противоречий, является Трудовой кодекс. В части пятой статьи 400 ТК, например, предусмотрено, что работники, которые несут полную материальную ответственность при причинении ущерба в результате совершения преступления (ст. 404), обязаны сами доказать отсутствие своей вины. Учитывая презумпцию невиновности в совершении преступления и другие правовые принципы, это - просто нонсенс. В статье 268 ТК определено, что расторжение трудового договора с беременными женщинами и женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет, не допускается, исключая увольнение по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 44 ТК. Пункт же, к которому содержится отсылка, регулирует призыв работника (то есть беременной женщины!) на воинскую службу.

Важно добиться системности законодательства, исходя из тех целей, которые провозглашены в преамбуле Конституции. Законодатель в лице парламента призван устанавливать основополагающие принципы правового регулирования. Приоритетность закона - не в механическом увеличении удельного веса законов в правовой системе, а в решении им основных, наиболее важных вопросов.

В настоящее время имеются прекрасные для правотворчества условия - отсутствие антагонистического противостояния властей. Важно, чтобы предмет законодательного ведения был достойным закона. Правильный выбор формы акта имеет принципиальное значение. Известно, что сейчас готовится закон о Национальном собрании Республики Беларусь. Считаю ошибочным включение в него положений, которые могут и должны быть предусмотрены в регламентах палат. Это не только ведет к ослаблению позиций Парламента, но и противоречит статье 105 Конституции. Регламенты палат, как и любой нормативный акт, обязательны для всех. Право законодательной инициативы депутатов, провозглашенное в Конституции, может быть ограничено только предписаниями Конституции, а не амбициями чиновников. Ограничения касаются лишь тех инициатив, результатом реализации которых будет сокращение государственных средств, создание или увеличение расходов. Это, кстати, мировая практика.

Ориентация на механическое увеличение законодательного массива не даст необходимого результата. Конечно, пробелы в правовом регулировании необходимо восполнять. Однако сам факт принятия нормативных актов не означает эффективность права. Для правового регулирования отношений между гражданами и государством предпочтительнее не разрешительный, а запрещающий порядок, то есть следует не перечислять, что допускается, а указывать, от чего гражданин должен воздерживаться. Все остальное допустимо.

Огромное значение имеет не только согласованность норм внутри одного акта, согласованность актов в рамках одной отрасли, но и согласованность близких норм разных отраслей.

Несколько слов об опубликовании нормативных актов. Нарушение требований Конституции в этой области может повлечь признание акта неконституционным. К сожалению, нет единства в определении даты введения в действие акта со дня опубликования. Складывается впечатление, что при этом преобладает чисто субъективный подход и не учитываются объективные факторы. Устанавливаются не только различные сроки, но и используются различные понятия: акты вводятся в действие “со дня опубликования”, “с момента опубликования”, “после выхода в свет” и т.д. А ведь точность в этом вопросе очень важна. Даже в “Собрании декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь” указывался только месяц и не ставилось

число опубликования. Многие нормативные акты опубликованы впервые именно в этом журнале, они будут сохранять свою юридическую силу длительное время. Для определения даты опубликования в этой связи может быть предложено несколько вариантов, в том числе исходить из последнего числа месяца (если актом ухудшается правовое положение участников общественных отношений). Следует обратить внимание на необходимость официального опубликования Регламента Совета Республики. Желательно придерживаться правила о введении в действие нормативных актов, касающихся прав и свобод, не ранее десяти дней со дня опубликования.

О некоторых аспектах конституционного контроля. Конституционный Суд осуществляет контроль за конституционностью нормативных актов в государстве. Если бы все наши решения, принятые за последние четыре года, были исполнены на сто процентов, то правовая система стала бы намного эффективнее, не только обязанности, но и права, и свободы были бы подняты на новый более качественный уровень. К сожалению, мы наблюдаем, когда под надуманными предложениями некоторые решения Конституционного Суда не исполняются. Следует иметь в виду, что в этом случае не исполняется Конституция. Отличительной особенностью решений Конституционного Суда является то, что они базируются на нормах международного права. Мы активно используем решения Европейского суда по правам человека для формирования собственной позиции при рассмотрении аналогичных дел. Решения Конституционного Суда являются источниками права. Конституционный Суд выступает в качестве “негативного” законодателя в том смысле, что он “выводит” из правового оборота признанные им неконституционными акты (нормы). Разрешая конкретные дела, он тем самым создает правовые условия гражданам для защиты их прав. В качестве примера приведу лишь некоторые решения, где определена позиция Конституционного Суда, влияющая в целом на правотворческую и правоприменительную деятельность: - о верховенстве Конституции и непосредственном действии ее норм; - об ответственности не только субъектов налогообложения перед государством, но и государства перед гражданами (субъектами хозяйствования), с которых взимаются налоги; - об установлении местных налогов и сборов в строгом соответствии с законом, о различиях в правовом регулировании в области установления общереспубликанских и местных налогов и сборов; - о свободе трудового договора независимо от места жительства гражданина; - о некоторых аспектах реализации свободы передвижения и выбора места жительства; - о праве на юридическую помощь, в том числе определение сроков, условий и субъектов, которые могут ее оказывать; - о доступности к правосудию, включая и конституционное; - о сроках и порядке содержания под стражей, в том числе установлении максимального срока с учетом срока ознакомления обвиняемого с предъявленным обвинением; - о недопустимости совмещения судом функций формулирования обвинения и правосудия (по нашему мнению, это можно делать различными составами суда); - о праве на амнистию лиц, в отношении которых приговоры по не зависящим от них обстоятельствам не вступили в законную силу к сроку вступления в силу закона об амнистии;

- о принципах придания обратной силы нормативным актам;

- о сроках введения в действие актов толкования и требованиях к таким актам; - об обязательности опубликования нормативных актов, затрагивающих права и свободы граждан; - о принципах и порядке суммирования и предоставления отпусков; - о плате за пользование жилыми помещениями и их техническое обслуживание и необходимости соблюдения принципов социального государства.

Убежден, что Конституционный Суд и палаты Парламента могут более активно взаимодействовать в целях утверждения верховенства права, защиты прав и свобод граждан, обеспечения надлежащего выполнения ими своих обязанностей. Известно, что в постоянные комиссии палат Парламента поступает много обращений граждан, в которых они ставят вопрос о

незаконности нормативных актов. Точку в этом споре может и должен ставить Конституционный Суд.

По вопросу о том, есть ли правовые основания для развития правового статуса Конституционного Суда. Прежде всего необходимо обратить внимание на формулировку части первой статьи 116 Конституции: контроль за конституционностью нормативных актов в государстве осуществляется Конституционным Судом Республики Беларусь. В этой связи можно сделать несколько выводов: 1) эта норма предполагает активное воздействие Конституционного Суда на правотворческий процесс и прежде всего его результат - принятые нормативные акты; 2) реагирование на обнаруженные недостатки, противоречия между Конституцией и всеми иными подконституционными нормативными актами возможно в допустимых для Конституционного Суда формах: не только путем принятия заключений, но и иных его решений; 3) часть первая, как и часть седьмая, статьи 116 Конституции является базой для развития компетенции Конституционного Суда, которая определяется не только Конституцией, но и законом;

4) в силу того, что Конституционный Суд - это один из государственных органов, осуществляющих специфическую контрольную функцию, направленную на обеспечение верховенства Конституции и иерархической соподчиненности всех остальных нормативных актов, правовая позиция Конституционного Суда должна быть решающей при рассмотрении подобного рода споров, в том числе и в случае осуществления правовой экспертизы Министерством юстиции, Министерством иностранных дел о соответствии Конституции подлежащих соответственно регистрации ведомственных нормативных актов, ратификации международных договоров.

В юридической литературе уделено внимание анализу понятия “контроль”, которое часто сопоставляют с понятием “надзор”. Эти понятия различаются, что проявляется и в тех мерах, которые могут применить государственные органы, осуществляющие соответствующие функции. Надзорные органы обычно сами не обладают правом отмены правового акта, но путем соответствующего реагирования пытаются обеспечить законность на практике. Контролирующие же органы наоборот отличаются не только правом отмены правовых актов, но и активным вмешательством в незаконную деятельность. Контрольная функция Конституционного Суда имеет свою специфику. Конституционный контроль охватывает сферу нормотворчества сверху донизу. При этом проблемы целесообразности не должны иметь решающего значения. Более того, принятие не самого удачного правового решения, реализованного в нормативном акте, не означает его неконституционность. В этом отличие конституционного контроля от контроля, проводимого иными государственными органами, включая и ведомственный контроль. Конституционный Суд - единственный орган судебной власти, основные положения о котором (порядок формирования и некоторые другие вопросы) прямо оговорены в Конституции. Относительно организации и деятельности иных судов (общих, хозяйственных) в Конституции сформулированы лишь принципы и указана их основная функция - осуществление правосудия. При этом компетенция Конституционного Суда, как отмечено в части седьмой статьи 116 Конституции, определяется специальным законом о Конституционном Суде. В этой связи следует сделать несколько выводов: 1) конституционные положения могут быть развиты в законе (без посягательства на юрисдикцию других органов); 2) недопустимы “размывание” закона о Конституционном Суде, попытки закрепить нормы о статусе судей Конституционного Суда в других законодательных актах без их непосредственного закрепления в законе о Конституционном Суде. Именно в законе о Конституционном Суде, как того требует Конституция, могут развиваться и конкретизироваться ее принципы и нормы, касающиеся деятельности Конституционного Суда; 3) законом о Конституционном Суде предусмотрено, что порядок конституционного судопроизводства, правила процедуры и этикета регулируются принимаемым Конституционным Судом Регламентом, который должен быть основан на положениях названного закона. Конституционный Суд - единственный судебный орган, который самостоятельно определяет порядок

конституционного судопроизводства. Конечно, процессуальные аспекты деятельности нельзя смешивать с чисто статутными. Специально подчеркну, что в Конституции закреплены только основные полномочия Правительства, органов местного управления и самоуправления, Прокуратуры, Комитета государственного контроля, в законах об этих органах они развиваются. И именно по этому пути следует идти при решении вопроса о расширении компетенции Конституционного Суда. Конституционный Суд вправе проверять на соответствие Конституции не только акты общегосударственного уровня, но и законы о ратификации международных договоров, регламенты палат Парламента, нормативные акты министерств, государственных комитетов, местных Советов депутатов, местных исполнительных и распорядительных органов.

В практике работы Конституционного Суда были случаи, когда вносилось предложение о проверке отдельных статей закона (кодекса), но аналогичные нормы содержались в других статьях. В этом случае Конституционный Суд, на наш взгляд, также вправе проверить их конституционность и вынести соответствующее решение.

Местные Советы депутатов обладают “двойной” природой. С одной стороны, это - государственные органы, а с другой - органы местного самоуправления. их решения, как уже было отмечено, могут быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде. Лишь решения местных референдумов выпадают из сферы контроля Конституционного Суда, в то же время это не распространяется на законы, принятые путем всенародного голосования, то есть в масштабе всей республики. В статье 1 Конституции закреплено, что Республика Беларусь - демократическое правовое социальное государство. С учетом принципов, присущих такому государству, и следует осуществлять предусмотренную систему конституционного контроля, а также правотворческую деятельность, обеспечивать правоприменительную практику.

G. A. Vasilevich
Chairman of the Constitutional Court
of the Belarus Republic

**Constitution – basic document for the legislative
and law-implementing operation
Summary**

Article is dedicated to the problems of ensuring the supremacy of the Constitution, law-making and law-enforcing activities. Author gives juridical characteristics of the Constitution, determines hierarchy of enforceable enactments. There are proposals on more active official normative interpretation of the Constitution, on considering the Law on budget to be a program law, on determination of special status of program laws.

It is carried out analysis for the content of Article 137 of the Constitution, for the relation of such by-constitutional acts as laws, edicts and decrees. It is expressed an idea that the President shall have the right to fill in gaps of the legislation by his acts, if other bodies of state power do not realize their norm-making powers in the relevant sphere. It is advanced a thesis that not all of the edicts of the President should be considered to be legislative acts (for example, acts issued on the ground of the Constitution, but not on the ground of the law by way of delegation by the Parliament of the powers to the President are of by-law nature).

Attention is paid to certain shortcomings of the Law on enforceable enactments.

Analysis is given the situation in law-creating activities in the Republic of Belarus, it is emphasized the importance of such elements as prognostication of consequences of adoption of enforceable enactments, intercoordination of legal norms, their clearness and stability and, first of all in the field of entrepreneur and economic activities as a whole, as well as in the field of the rights, freedoms and obligations of citizens.

Special attention is paid to exercise of the constitutional control in the state, it is given analysis of the status of the Constitutional Court, significance of its decisions for forming legal system which meet the requirements of a democratic social state ruled by law.

In his article author touches upon other issues concerning norm-creating function of state bodies and practice of application of legislation.

АРМЕНИЯ

**А.Ш.Арутюнян
доктор юридических наук,
профессор**

ИНКОРПОРАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Взаимоотношения индивида и государства - одна из ведущих проблем политико-правовой мысли, имеющая многовековую историю. Каким бы ни было государство по своей природе, какой бы режим в нем ни господствовал, взаимодействия человека и государства всегда представляли интерес не только теоретический, но и прикладной, поскольку без учета этого взаимодействия невозможно было бы установить в обществе порядок.

Подлинным новаторством в данной области стала либеральная доктрина прав человека, сформировавшаяся в процессе подготовки и проведения буржуазных революций XVIII-XIX вв. Она определила новые ориентиры во взаимоотношениях государства и человека: свободу, юридическое равенство, верховенство закона, универсальные права человека. Основой буржуазно-либеральной доктрины явилась естественно-правовая концепция, выдвинувшая в качестве главных принципов свободу и неотъемлемые, неотчуждаемые права человека, которые принадлежат ему от рождения. Государство обязано признавать эти права, считаться с ними, ограждать их от любых посягательств. Тем самым был положен предел бесконтрольности и произволу государственной власти, определены границы ее воздействия.

Анализ идей естественно-правовой доктрины и воплотивших их юридических документов: Декларации независимости, Билля о правах, Декларации прав человека и гражданина - позволяет сформулировать те основные начала, которые оказали решающее воздействие не только на раскрепощение человека и обретение им свободы, но и на характер государства, его взаимоотношения с человеком.

1. Главное для человека - свобода, которая должна быть средой его обитания. В сфере свободы человек избирает свой собственный жизненный путь, реализует свои интересы и пристрастия.

В выдвижении свободы в качестве главного принципа жизнедеятельности человека заложен разрыв с прежним подходом к его взаимоотношениям с государством, где он выступал в качестве подданного, призванного слепо выполнять волю правителя, власти, государства. Свобода превращает подданного в гражданина, определяя новые принципы его взаимодействия с государством.

2. Свобода неотделима от равенства. Эти понятия выступают нераздельно и в классических либеральных доктринах, и в юридических актах о правах человека.

Свобода и равенство - необходимые условия обладания всех людей без каких-либо различий и изъятий неотъемлемыми, неотчуждаемыми правами.

Декларация независимости 1776 г. провозгласила, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами. Статья I Декларации прав человека и гражданина определила, что все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах.

Нельзя не отметить, что в классических либеральных доктринах вопрос о свободе и равенстве решался неоднозначно. В учениях А. Смита, И. Бентама предпочтение отдавалось свободе, в то время как Руссо был ярким поборником равенства. Однако неизбежные противоречия свободы и равенства обнаружились позднее, уже в XIX в. В период буржуазных революций и раннекапиталистического развития главная задача состояла в освобождении личности от ограничений феодальной системы, создании новых форм жизни, способных ограждать человека от произвола и деспотизма, от излишней государственной опеки и социального неравенства. Классическая либеральная доктрина, основанная на принципе индивидуализма, считала необходимыми условиями для его развития свободу и равенство. Провозглашение естественных и неотъемлемых прав человека было бы невозможно без признания равенства всех людей перед

законом, т.е. формального юридического равенства. Именно равенство определило универсальный характер прав человека, положив конец сословным правам и привилегиям.

3. Права человека - это та система условий и благ (материальных и духовных), без которой невозможны его нормальная жизнедеятельность, развитие его индивидуальных свойств, свободный выбор и самоопределение, реализация "гражданских интересов".

Локк писал: «Гражданскими интересами я называю жизнь, свободу, здоровье и отсутствие телесных страданий, и владение такими внешними благами, как деньги, земли, дома, домашняя утварь и т.д.».

4. Стремление к личной автономии, свободе самоопределения в сфере гражданского общества выдвинуло проблемы цели государства и границ его деятельности. Целью государства объявляется «всеобщее благо», ограждение свободы и прав человека от любых посягательств с чьей бы то ни было стороны (в том числе и со стороны самого государства).

На этих же ценностях базируется Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, которая вступила в силу 3 сентября 1953 г.

Как подчеркивается в преамбуле Конвенции, ее участники поставили перед собой цель предпринять «первые шаги» для осуществления «некоторых прав», перечисленных во Всеобщей декларации прав человека. И действительно, в Конвенции содержится лишь часть прав и свобод, закрепленных во Всеобщей декларации и Пактах о правах человека. Однако достоинство созданной системы состоит в том, что она постоянно развивается и дополняется новыми документами. Дополнительные протоколы к Конвенции включили в систему европейской защиты практически весь перечень гражданских политических прав.

Однако ценность Европейской конвенции состоит не только в зафиксированных правах и свободах, но и в создании механизма их имплементации.

Созданный на базе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод контрольный механизм был в значительной степени результатом компромисса. В годы его создания члены Совета Европы не были готовы к отказу от части своих суверенных прав, переводу наднациональной защиты прав человека на более высокий уровень и представлению индивиду права на прямой доступ в Суд. Сейчас такие условия созрели.

11 мая 1994 г. члены Совета Европы приняли протокол N II к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, который предоставил индивиду, неправительственным организациям и группам лиц возможность направлять петиции непосредственно в Суд. Этот протокол вступил в силу в октябре 1997 г. после того, как все государства-участники подписали и ратифицировали его. Согласно протоколу, Европейская комиссия по правам человека упраздняется и единственным органом становится Суд. Для рассмотрения дел Суд учреждает комитеты из трех судей, палаты из семи судей и большие палаты из семнадцати судей. Вопросы о приемлемости жалоб будут решаться комитетами из трех судей. Это вызвано тем, что поток жалоб постоянно возрастает, особенно в связи с ростом числа членов Совета Европы, и комитеты смогут быстро и эффективно решать вопросы о приемлемости индивидуальных жалоб. Сами же дела решаются палатами. Большие палаты обсуждают наиболее серьезные вопросы интерпретации Конвенции, а также дела, переданные ей по требованию участвующих в споре сторон.

Решения Суда обязательны для государств-участников, и за их осуществлением наблюдает Комитет министров Совета Европы. Таким образом, созданный в соответствии с Европейской конвенцией и протоколом N II механизм является, по сути дела, наднациональной властью. Его учреждение потребовало от государств-членов Совета Европы пересмотреть сложившиеся стереотипы, касающиеся абсолютизации государственного суверенитета. Решения Суда, имеющие значения прецедента, оказывают значительное влияние на формирование и развитие доктрины европейского права. Ими в повседневной практике руководствуются судебные органы государств-участников. Члены Совета Европы постоянно корректируют свои законодательства и административную практику под влиянием решений Суда. Отвергая законность национальных

судебных решений, Европейский суд побуждает государства пересматривать действующее законодательство и практику его применения.

Любая страна, вступающая отныне в Совет Европы, должна не только присоединиться к Европейской конвенции, но и внести в свое законодательство необходимые изменения, вытекающие из прецедентного права, создаваемого решениями Суда по правам человека.

Деятельность контрольного механизма, созданного в рамках Совета Европы на основании многочисленных европейских конвенций, способствует унификации юридических систем всех стран Европы в области защиты основных прав и свобод человека.

Сейчас, когда РА вступает с Совет Европы и должна ратифицировать Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Совету Европы и Армении по взаимной договоренности следует, на наш взгляд, установить строго определенный срок, в течение которого армянское законодательство и правоприменительная практика будут приведены в соответствие с европейскими стандартами.

И наконец, чтобы избежать наплыва частных жалоб в Европейский суд, необходимы эффективно работающие внутригосударственные механизмы защиты прав и свобод человека, а также система гарантий реализации принимаемых законов. В этом плане перед Арменией и рядом других постсоветских государств стоит задача создания завершенной институциональной системы защиты прав человека с признанием им необходимых полномочий (право индивидуальных жалоб в Конституционный Суд, институт омбудсмена и т.п.).

Конвенция позволяет Европейскому суду по правам человека осуществлять своего рода квазиконституционный надзор за использованием полномочий государственной власти. Этот контроль может осуществляться независимо от того, обусловлены ли действия государства, на которые принесена жалоба, непосредственно первичным законодательством, судебными решениями или исполнительными мерами правительственных ведомств или других государственных органов.

Каждое государство, являющееся участником Конвенции, имеет собственную конституционную и политическую историю и правовую систему. Действующие в этих государствах конституции и правовые системы весьма разнообразны. Одним конституциям намного больше 100 лет. Другие были созданы в последние 10 лет, когда государства Центральной и Восточной Европы освобождались от влияния коммунизма. Почти во всех государствах национальные конституции в той или иной мере предусматривают индивидуальные свободы и права. Но конституции сильно отличаются тем, как они определяют защищаемые права и свободы ("каталог" прав), и предусмотренным порядком осуществления этих прав.

Например, в Германии верховным гарантом весьма обширного каталога основных прав, закрепленного в части I Основного Закона, является Федеральный Конституционный Суд: он выполняет функцию конституционного контроля за федеральным законодательством и исполнительными решениями, нарушающими эти права. Имеются также административные суды, главная функция которых - проверять акты государственных органов, устанавливая их законность. И напротив, в Соединенном Королевстве нет ни "писаной" конституции, ни каталога основных прав; доктрина верховенства закона или суверенитета Парламента не позволяет судам контролировать содержание законов, принимаемых Парламентом. Однако обычные суды выполняют важную функцию контроля и надзора за законностью актов правительственных ведомств и других органов; этот контроль распространяется на такие сферы, как подзаконные акты, ведомственная политика и руководящие принципы, а также решения, принимаемые в рамках полномочий, предусмотренных нормативными актами и общим правом.

Еще одну форму контроля обнаруживаем в Конституции Пятой Французской Республики, по которой вопрос о соответствии предлагаемого закона Конституции может рассматриваться Конституционным Советом. Но обычные суды во Франции не уполномочены рассматривать конституционность введенных в действие законов. Контроль за актами и решениями

Правительства и решениями правительственных и государственных органов входит в компетенцию Государственного Совета и административных трибуналов. Их компетенция распространяется на споры о договорной и иной ответственности государственных органов, споры, решать которые в рамках большинства других правовых систем Европы поручается обычным гражданским судам.

Именно на эти разнообразные национальные судебные системы должно ложиться главное бремя защиты индивидуальных прав и свобод. Задача Конвенции - дополнить эти системы и обеспечить возмещение ущерба на международном уровне, если они не обеспечивают этого на внутригосударственном уровне.

В этой ситуации для постсоветских стран возникает несколько, на наш взгляд, императивов.

Государства должны: а) непосредственно придавать силу в рамках национального права конкретным правам и свободам, защищаемым Конвенцией; б) предусмотреть в национальном праве процедуру, которая позволила бы отдельным лицам использовать средства правовой защиты при нарушении их прав по Конвенции.

По этому поводу отметим, что во многих государствах Конвенция имеет силу в рамках национального права и на нее можно непосредственно ссылаться в судах. В других государствах (Великобритания, Ирландия) Конвенция не действует непосредственно в рамках национального права.

Поскольку Конвенция не предусматривает какого-то определенного решения для данного вопроса, степень реализации Конвенции в национальных правах государств сильно различается. Эти различия в значительной мере отражают разные положения и традиции национального права, касающиеся компетенции исполнительной власти заключать договоры, а также взаимосвязи международного и национального прав. В одних странах правовая традиция склоняется к «монизму» - стремлению свести к минимуму расхождения между национальным и международным правами. В других странах традиция поощряет «дуализм», предполагающий наличие четкого раграничения национального и международного прав. Здесь нет необходимости резюмировать эти различные традиции, но можно привести примеры различий в национальной практике.

Австрия пошла дальше других стран: здесь за Конвенцией признан статус национальной конституции и, таким образом, она имеет приоритет над противоречащими ей нормами национального права, независимо от даты их принятия. Конституционный Суд Австрии готов исполнять решения Страсбургского суда о толковании Конвенции.

В Бельгии, Франции, Нидерландах и Швейцарии непосредственно применимые положения Конвенции не включены в национальные конституции, но действуют на уровне национального права и могут иметь приоритет по отношению к не соответствующим им положениям национального права, независимо от даты принятия национальных правовых норм; в этом отношении Конвенция имеет большую силу, чем обычное законодательство.

В Германии и Италии непосредственно применимые положения Конвенции чаще всего имеют силу обычного законодательства, то есть в принципе имеют приоритет над законодательством, введенным в действие до даты, когда Конвенция вступила в силу с точки зрения национального права, но законодательство, введенное в действие позднее, может иметь приоритет над положениями Конвенции. Однако в Германии авторитету Конвенции придают больший вес, чем можно заключить из этой ссылки на формальное положение, тогда как в Италии суды редко реализуют предусмотренные Конвенцией права непосредственно.

В Ирландии и Соединенном Королевстве Конвенция не имеет силы в национальном праве и не применяется национальными судами непосредственно. Ранее такое положение существовало и в скандинавских странах, но теперь законы о ее включении в национальное право приняты в Дании (вступил в силу 1 июля 1992 г.), Исландии (30 мая 1994 г.), Швеции (1 января 1995 г.) и Норвегии (до конца 1995 г.).

Там, где Конвенция не инкорпорирована в национальное право, суду, возможно, придется отклонить претензию как необоснованную по национальному праву, хотя у спорящей стороны будут веские основания утверждать, что ее права, предусмотренные Конвенцией, нарушены. Даже в этой ситуации некоторые презумпции могут уменьшить вероятность того, что суду придется принять решение, противоречащее Конвенции. Одна презумпция состоит в том, что если существует разумное толкование национального права, соответствующее Конвенции, то суд должен применить его, а не другое толкование, конфликтующее с Конвенцией. Еще одна презумпция предусматривает, что, хотя формально Конвенция не является частью национального права, она тем не менее может содействовать процессу развития права и устранению неопределенности. Третий принцип, который могут применять национальные суды, состоит в том, что должностным лицам государства надлежит знать о международных обязательствах своего государства и, таким образом, учитывать права отдельного лица по Конвенции, осуществляя исполнительные полномочия, которые затрагивают интересы этого лица .

Однако, с нашей точки зрения, для постсоветских государств, где есть проблемы по надлежащему процессуальному обеспечению материальных норм и где вряд ли можно полагаться на вышеуказанные презумпции, наиболее эффективной формой, позволяющей заложить необходимые традиции и в области материального права, и в области процессуального права, является опыт Австрии, где Конвенция имеет приоритет над нормами национального права.

ARMENIA

A. Sh.Harutiunyan
Doctor of Law, Professor

**Incorporation of the European Convention on Human Rights
Protection into the National Law in the Post-soviet Countries.
Problems and Perspectives**

Summary

Each of the member-countries of the European Convention has its own constitution, political history and legal system. The constitutions and legal systems acting in these countries are rather different. Some of the constitution date back to about 100 years, others have been created in recent ten years, when the Eastern and Central-European countries were getting rid of the communistic influence. Almost in all of the countries the national constitutions provide a certain level of individual rights and freedoms. But the constitutions greatly differ in defining those protected rights and freedoms (catalogue of rights) and also in the way of realizing those rights and freedoms.

These diverse national judicial systems are the bearers of the burden of individual rights and freedoms protection. The task of the Convention is to elaborate those systems and to provide the compensation of the loss on the international level if it is not provided on the domestic level.

In this situation, from our viewpoint, a number of imperatives come out for the post-soviet countries:

the countries must a) directly provide the observation of certain rights and freedoms, protected by the Convention, within the frame of national law; b) provide a procedure in the national law, allowing private persons to use the tools of legal protection in cases of violation of their rights provided by the Convention.

As the Convention doesn't provide any definite decision for this very matter, the measures of realization of the Convention within national laws highly differ.

These differences are mainly reflected in the various traditions and modes of national laws, related to the competence of the executive power to signing of agreements, as well as to the mutual relation of the international law to the national ones. In some of the countries the legal tradition tends to the "monism" - an attempt to minimize the contradictions between the national and international law. In other countries the tradition tends to "dualism", which supposes a clear-cut differentiation of national and international law.

For the post-soviet countries any kind of ambiguity in material law threatens with the possible violation of the latter. This is why the Austrian sample is the possible violation of the latter. This is why the Austrian sample is the most convenient one for the post-soviet countries in this matter. Austria has gone in this field farther than the other countries: here the Convention is given a status of a national constitution, thus it possesses a priority over the possible contradicting items of the national law, regardless of the date of their adoption. The Constitution Court of Austria is ready to execute the decisions of the Strasbourg Court about the interpretation of the Convention.

Россия

Н.А. Насыко
советник Конституционного Суда
Российской Федерации

**О соотношении конституционной юстиции
и социальной политики российского государства**

Конституционный Суд Российской Федерации - один из высших государственных органов, независимо и самостоятельно осуществляющий судебную власть Российской Федерации посредством конституционного судопроизводства. За период своего существования им много сделано для реального становления России как правового социального государства, в котором права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в области защиты прав и свобод граждан ориентируют государство на то, чтобы человек во взаимоотношениях с ним рассматривался как полноправный субъект, а не как объект его деятельности, диктата.

Согласно Федеральному конституционному закону "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд России решает исключительно вопросы права. Поэтому его воздействие на социальную политику государства происходит опосредовано через правовые позиции Суда, которые он формулирует при принятии решений о проверке конституционности законов и иных подзаконных нормативных актов, а также через адекватное истолкование им формулы социального государства, закрепленной в Конституции Российской Федерации (статья 7), которым должны руководствоваться законодатель при формировании социальных программ и исполнительная власть при их реализации.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации являются общеобязательными для всех правоприменителей, действуют непосредственно и не могут быть преодолены законодателем повторным принятием акта, признанного неконституционным. По своей сущности они являются особыми источниками права, приближающимися к конституционным принципам и нормам.

Большое значение в системе конституционных прав и свобод граждан приобретают, особенно в настоящее столь непростое время, социальные права: на свободу труда, на справедливое вознаграждение без какой-либо дискриминации, на безопасный труд, на отдых, на защиту от безработицы, на охрану материнства и детства, на социальное обеспечение, на охрану здоровья и медицинскую помощь и др.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации, направленные на защиту этих прав, всегда носят конкретный, адресный характер.

В целом ряде своих решений Конституционный Суд Российской Федерации обязал законодателя при принятии законов в социальной сфере соблюдать такие конституционные принципы, как справедливость, равенство, соразмерность ограничения прав и свобод граждан социально значимым интересам и целям.

Так, при рассмотрении дела граждан Б.А.Альтговзена и М.Ф.Стадниковой, оспаривавших обычное правоприменительной практики, сложившейся на основе расторжения трудового договора с работником по инициативе администрации по пункту 1¹ статьи 33 КЗоТ Российской Федерации, согласно которому достижение работником пенсионного возраста при наличии права на полную пенсию по старости являлось основанием для его увольнения. Конституционный Суд устранил необоснованное ограничение права на труд таких пенсионеров. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные в этом постановлении от 4 февраля 1992 года, заключающиеся в том, что увольнение по данному основанию нарушало равенство возможностей при реализации права на труд и защиту от безработицы пенсионеров, противоречило принципу свободы трудового договора, снижало уровень гарантий и компенсаций в сравнении с другими ситуациями, позволили восстановить равенство возможностей пенсионеров по старости при реализации ими права на свободу труда и занятости.

Конституционный Суд Российской Федерации защитил право граждан на полное возмещение вреда при вынужденном прогуле при незаконном увольнении с работы, указав в постановлении от 27 января 1993 года, что сложившееся обычное правоприменительной практики вступало в противоречие не только с общеправовыми принципами справедливости, юридического равенства, гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина, но и с принципами

договорных отношений, нашедших отражение в содержании ряда конституционных прав и свобод граждан.

В постановлении от 17 мая 1995 года Конституционный Суд Российской Федерации указал, что поскольку часть первая статьи 12 Закона СССР "О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)" означала запрет забастовок на всех без исключения предприятиях и организациях, относящихся к системе гражданской авиации, а также для всех занятых в ней работников только на основании отраслевой принадлежности, то есть без какой-либо дифференциации предприятий, подразделений, служб, категорий работников гражданской авиации с учетом характера их деятельности, а также значимости выполняемых ими работ, то в результате право на забастовку было ограничено для значительно большего круга работников, чем это необходимо для достижения целей, указанных в статьях 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Поэтому установленный частью первой статьи 12 названного Закона запрет забастовок в данной отрасли был признан не соответствующим указанным статьям Конституции Российской Федерации.

Рассматривая дело о проверке конституционности статьи 124 Закона Российской Федерации "О государственных пенсиях в Российской Федерации", в постановлении от 16 октября 1995 года Конституционный Суд Российской Федерации указал, что лишение осужденного пенсионера трудовой пенсии путем приостановления ее выплаты является недопустимым ограничением конституционного права на социальное обеспечение, поскольку такое ограничение не согласуется с целями, перечисленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Приведенные правовые позиции явились основанием для признания Конституционным Судом положения статьи 124 Закона Российской Федерации "О государственных пенсиях в Российской Федерации" в той части, в которой оно устанавливает приостановление выплаты трудовых пенсий за время лишения пенсионера свободы по приговору суда, не соответствующим Конституции Российской Федерации и утратившим силу с момента провозглашения постановления Суда.

Конституционный Суд Российской Федерации защитил также права граждан, пострадавших вследствие аварии на Чернобыльской АЭС. По данному делу в постановлении от 1 декабря 1997 года Конституционный Суд Российской Федерации признал ряд норм статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС", которыми был существенно уменьшен объем возмещаемого вреда либо граждане были лишены права на его возмещение, не соответствующими Конституции Российской Федерации. В результате было защищено право на возмещение вреда в ранее признанном государством объеме неработающих пенсионеров, инвалидов, детей-инвалидов, детей, не посещающих по состоянию здоровья школы и детские дошкольные учреждения, безработных, граждан, приехавших после 1 января 1991 года на территорию зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом, восстановлено право на получение ежегодных дополнительных оплачиваемых отпусков прежней продолжительности для проживающих (работающих) в зонах радиационного загрязнения, право пенсионеров-военнослужащих, ставших инвалидами вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, на получение, кроме пенсии, сумм возмещения вреда.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 1997 года признано не соответствующим Конституции Российской Федерации положение нормы абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации", согласно которой гражданам, потерявшим работу и заработок в течение 12 месяцев, предшествовавших официальному признанию их безработными, государством гарантировалась выплата пособия по безработице (стипендия), но не свыше 30 календарных дней в течение 12-месячного периода безработицы или всего периода обучения по направлению органов службы занятости (за пределами этого срока пособие по временной нетрудоспособности безработным

гражданам не выплачивалось), чем защищено право на пособие по временной нетрудоспособности безработных граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации устранил необоснованные ограничения права на трудовую пенсию тех пенсионеров, которые выехали после назначения трудовой пенсии из России на постоянное жительство за рубеж до 1 июля 1993 года. При рассмотрении вопроса о конституционности положений статей 2, 5 и 6 Закона Российской Федерации от 2 июля 1993 года "О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации" постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 1998 года эти положения в той мере, в какой ими допускалось лишение пенсионеров права на получение назначенных им трудовых пенсий, если они выехали на постоянное жительство за пределы Российской Федерации до 1 июля 1993 года либо после этой даты, но не проживали непосредственно перед выездом на территории России, признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, исходя из правовых позиций о том, что трудовые пенсии заработаны, заслужены предшествующим трудом, службой, выполнением определенных, значимых для общества обязанностей.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации об обязанности законодателя при принятии законов в социальной сфере соблюдать конституционные принципы справедливости, равенства, соразмерности ограничения прав и свобод граждан социально значимым интересам и целям отражены в его постановлениях о налогах, сборах и о тарифах страховых взносов в государственные социальные внебюджетные фонды - в таких, как постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 1998 года и от 23 декабря 1999 года.

Важное значение для защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации имеет деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (в настоящее время такие суды действуют в 10 субъектах Российской Федерации и еще 22 учреждены). Данное утверждение основано на том, что возможности граждан по защите своих конституционных прав и свобод удваиваются в связи с тем, что они вправе обратиться за их защитой как в Конституционный Суд Российской Федерации, так и в Конституционный (Уставный) Суд субъекта Российской Федерации.

В Российской Федерации активно идет процесс становления гражданского общества, социально ориентированной рыночной экономики. В этих условиях право зачастую не поспевает за многообразием возникающих жизненных ситуаций и отношений, которые требуют правового урегулирования. Но и в тех случаях, когда законодатель своевременно принимает законы, их нормы не всегда адекватно их отражают. В содержании норм имеют место пробелы, лакуны, а по своему характеру они не всегда определены. Особенно это касается социального законодательства в широком смысле слова. Здесь значительно более велик диапазон самостоятельного усмотрения законодателя и органов исполнительной власти, границы которого обусловлены экономическими возможностями общества на современном этапе его развития. Хотя предел такому усмотрению есть и он установлен статьями 7 и 55 Конституции Российской Федерации.

В связи с отмеченным существенно возрастает роль Конституционного Суда Российской Федерации в процессе нормотворчества. Речь, конечно, идет о судебном нормотворчестве, которое складывается из: правовых позиций Суда, формулируемых, в том числе исходя из целевого характера нормы, конституционность которой проверяется; выявления системной связи такой нормы с другими и смысла, придаваемого ей правоприменительной практикой. Но главное в этом процессе принадлежит выявлению соотносимости проверяемой нормы с конституционными принципами и другими конституционными нормами. В связи с этим представляется, что в настоящее время в России развивается не только конституционная юстиция, но и формируется конституционное судебное право.

Армения

С. С. Аветисян
судья Апелляционного Суда
по уголовным и военным делам РА

**Конституционные предпосылки и условия обеспечения прав
пострадавших от преступления**

Новая Конституция Республики Армения в 1995 году провозгласила нашу страну демократическим и правовым государством. Тем самым Армения заявила, что во взаимоотношениях человека, общества и государства приоритет принадлежит правам и законным интересам человека.

Права и законные интересы личности наиболее остро затрагиваются в сфере уголовного судопроизводства. Здесь возможно применение различных мер уголовно-процессуального принуждения, решается вопрос о судьбе привлекаемого к уголовной ответственности лица, его свободе и даже жизни. В уголовное судопроизводство вовлекаются и пострадавшие от преступлений и другие граждане. Все они обладают правами, которые нуждаются в надежном конституционном обеспечении в соответствии с современными требованиями.

Вступление Армении в Совет Европы, сближение с другими странами мира требует нового осмысления важности указанных проблем, их скорейшего и рационального решения.

Если назначение и реализация уголовного наказания - прерогатива суда, то пострадавшие от преступления не могут на него самостоятельно отреагировать путем воздаяния правонарушителю по заслугам, даже если абсолютно уверены в его виновности. Для этого существуют специальные органы государства, к которым пострадавший вправе обратиться за защитой. Таким образом, государство берет на себя функции посредника между жертвой преступления и возможным виновным, вступает в возникший конфликт на стороне пострадавшего.

Было бы неправильным и беспредметным ставить вопрос о том, кто важнее в уголовном процессе - обвиняемый или потерпевший.

Пострадавшие от преступной деятельности, наряду с лицами, в отношении которых ведется уголовное преследование, более других участников процесса нуждаются в эффективной защите их интересов и поэтому должны наделяться во многом совпадающими по содержанию правами. Однако между ними есть существенная разница.

Предназначение процессуальных прав обвиняемого - защищать его от необоснованного обвинения, произвольного применения к нему процессуального принуждения.

Пострадавшие от преступления находятся в ином положении. Они, наоборот, как правило, заинтересованы в возбуждении уголовного дела, вовлечении их в производство по делу и нуждаются во внимании к ним со стороны следственных и судебных органов.

Государство реально не имеет возможности предотвратить посягательства на основные права своих граждан, хотя оно и принимает на себя охрану, а также защиту прав и законных интересов граждан. Поскольку государство не в состоянии обеспечить полную безопасность, неприкосновенность прав граждан, то оно должно хотя бы сделать все возможное для устранения последствий преступления.

Новый УПК РА внес много кардинальных новых положений в области соблюдения прав человека. Расширены гарантии конституционного принципа обеспечения обвиняемому права на защиту. Однако пострадавший от преступления таким вниманием обделен. Представляется, что конституционно установленный приоритет прав и свобод личности должен одинаково распространяться и на тех, и на других.

В современных условиях для обеспечения прав лиц, которым преступлением причиняется вред, особое значение приобретает Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. В ней подчеркивается, что к жертвам преступлений следует относиться с состраданием и уважать их достоинство, они имеют право на доступ к механизмам правосудия.

Анализ международных стандартов свидетельствует о том, что реализация прав жертв преступлений при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел связана, во-первых, с представлением лицу информации о его роли и объеме принадлежащих ему прав, сроках и результатах их осуществления; во-вторых, с созданием ему условий для изложения заявлений, ходатайств на различных этапах уголовного процесса; в-третьих, с оказанием ему надлежащей

помощи, обеспечением безопасности его самого и членов его семьи; в-четвертых, с предотвращением неоправданных задержек при расследовании и судебном рассмотрении дел; в-пятых, с предоставлением возможности решения нижестоящего суда свободно и по различным основаниям обжаловать в вышестоящий суд; в-шестых, с созданием условий для справедливой реституции жертве, ее семье.

В Конституциях многих государств вышеприведенный принцип правосудия для жертв преступления закрепляется по-разному. Например, в ст. 52 Конституции РФ говорится: "Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда".

Однако в Конституции РА подобной нормы нет. Как следствие этого, вышеприведенное положение в новом УПК РА свое развитие также не получило. Более того, доступ потерпевших от преступления к правосудию, например при пересмотре дела в апелляционной инстанции, существенно ограничен. В соответствии со ст. 376 УПК РА потерпевший и его представитель на не вступивший в законную силу приговор суда первой инстанции могут принести апелляционный протест только в части гражданского иска, а также по делам, которые возбуждаются на основании заявлений потерпевшего. Запрещение опротестования приговоров судов первой инстанции со стороны потерпевшего и его представителя является нарушением конституционного права на судебную защиту (ст. 38 Конституции РА), а также нарушением принципа равноправия сторон в уголовном судопроизводстве. Принесение протеста по правовым и фактическим основаниям влечет оставление протеста без рассмотрения. Однако Апелляционный Суд РА в соответствии со ст. 6 Конституции РА может принимать подобные протесты потерпевших (их представителей) к своему производству и по существу выносить решения, имея в виду, что конституционная норма о праве граждан на судебную защиту действует непосредственно. К сожалению, в подобных случаях, когда те или иные нормы УПК находятся в противоречии с положениями Конституции РА, суды общей юрисдикции РА не в состоянии в правоприменительной деятельности руководствоваться непосредственно действующими нормами Конституции. А в Конституционный Суд РА судьи обращаться не вправе. Лишь Совет Представителей Судов при наличии ходатайства судьи с целью проверки конституционности применяемых судом норм может обратиться в Конституционный Суд РА. Однако подобного случая в нашей практике пока не было.

В связи с этим представляется правильным и целесообразным наделить судей правом непосредственного обращения в Конституционный Суд РА. С другой стороны, необходимо соответствующие нормы УПК РА привести в соответствие с требованиями Конституции. В свою очередь, положения Конституции, связанные с основными правами и свободами человека и гражданина нужно привести в соответствие с нормами международно-правовых актов.

Согласно ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными органами государства в случаях нарушения его основных прав, предоставляемых Конституцией или законом. Эффективное восстановление нарушенных прав личности предполагает предоставление пострадавшему от преступления процессуальных прав в сфере уголовного судопроизводства.

До сих пор в практике правоохранительных органов потерпевшему предоставлялись права в основном для содействия органам, ведущим процесс. Ю.И.Стецовский утверждает, что "цель наделения потерпевшего правами - получение от него дополнительной помощи в раскрытии преступления". Однако с такой позицией согласиться нельзя. В свете требований международно-правовых актов, процессуальные права должны предоставляться потерпевшему не для оказания помощи органам расследования, осуществляющим деятельность по выполнению задач уголовного судопроизводства. Их предназначение - дать возможность потерпевшему самому активно участвовать в восстановлении своих нарушенных прав; находиться в курсе деятельности государственных органов в уголовном деле по восстановлению его прав; воздействовать на

органы, ведущие уголовный процесс и стимулировать их активность в восстановлении нарушенных прав пострадавшего .

К сожалению, пострадавшему от преступления не уделялось должного внимания и в других странах. Вот как представители зарубежной процессуальной науки оценивали положение жертв преступлений в Германии: "противоестественное отношение к потерпевшим распространено во всех частях судопроизводства"; во Франции: "потерпевший был забытым элементом... права существовали, но игнорировались, плохо использовались и плохо применялись".

Очевидно, что обеспечение прав лиц, терпящих вред от преступления, нуждается в существенном улучшении. При этом имеется в виду как обеспечение прав потерпевшего материального и нематериального характера, так и обеспечение процессуальных прав, предоставляемых пострадавшему для участия в уголовном процессе.

Представляется, что наряду с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым, потерпевшему от преступления также должно обеспечиваться конституционное право на судебную защиту. Это положение свое отражение должно найти в Конституции РФ и детально закреплено в УПК РФ.

Право потерпевшего на защиту должно включать в себя и право иметь защитника, который должен выяснить все обстоятельства, свидетельствующие в пользу потерпевшего, а также оказывать ему необходимую юридическую помощь. Было бы целесообразным в законе предусмотреть случаи оказания бесплатной юридической помощи потерпевшим.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношении государства и общества к вопросам компенсации пострадавшим вреда, причиненного преступлением. По законодательству многих государств предусматривается возможность компенсации жертвам преступлений имущественного вреда в случаях неустановления виновного или его неплатежеспособности.

Например, ст. 52 Конституции РФ предусматривает обязанность государства обеспечивать потерпевшим компенсацию причиненного вреда. Такого положения в Конституции РФ нет. Разумеется, осуществление государственной компенсации зависит от экономического состояния государства. Однако рано или поздно решать указанные вопросы придется и начало такому решению должно быть в известных пределах положено уже сейчас.

Согласно Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью в тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации: 1) жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье; 2) семьям, в частности, иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически или психически больными в результате такой виктимизации.

Аналогичное положение зафиксировано и в Европейской конвенции о компенсации вреда жертвам насильственных преступлений 1988 г. Четыре государства-участника Совета Европы уже ратифицировали ее (Дания, Швеция, Люксембург и Нидерланды) и шесть подписали (Франция, ФРГ, Греция, Норвегия, Турция и Англия).

В Документе Копенгагенского Совещания по человеческому измерению СБСЕ (1990 г.) подчеркивается, что "правовое государство означает ... справедливость, основанную на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности". Изменение характера взаимоотношений государства и личности приведет к формированию одной из основных черт правового государства, которая может быть раскрыта в совокупности следующих условий: не только граждане несут ответственность перед государством, но и государство отвечает перед гражданами за обеспечение свободы, неприкосновенности личности и личной жизни, за соблюдение всех прав граждан; исключен произвол власти в отношении граждан, обеспечена правовая защита личности .

На мировой арене не зря утвердилась позиция о том, что права человека выступают в качестве основного критерия легитимности существования самого государства, поскольку оно ставит себя им на службу. Это в полной мере должно относиться и к лицам, пострадавшим от преступлений.

Если обвиняемый должен быть уверен в том, что государство в лице ее соответствующих органов принимает все возможные меры для того, чтобы ни один невиновный не был подвергнут необоснованному осуждению и наказанию, то пострадавший от преступления должен убедиться, что государство действительно делает все необходимое для обеспечения его прав, включая их охрану и восстановление.

Вышеприведенные и многие другие аргументы свидетельствуют о необходимости и неотложности расширения конституционных предпосылок и условий обеспечения прав пострадавших от преступления.

Приведение действующего законодательства в соответствие с конституционными установлениями, а ряда конституционных норм в соответствие с международно-правовыми актами, предопределяющими формирование новых отношений между государством и личностью, может иметь существенное значение для упрочения демократии в РА и построении подлинного правового государства.

Россия

М.А. Митюков
заслуженный юрист Российской
Федерации, профессор

**ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ (XIX – начало XX в.в.)**

Конституционное правосудие в России возникло не на пустом месте. Идеи судебного конституционного контроля формировались в течение почти двух веков как составная часть российского конституционализма. Заметную «лепту» в этот процесс внесли правительственные (официальные) проекты, конституционные воззрения и проекты декабристов и либеральных конституционалистов конца XIX – начала XX веков. Их можно считать политико-правовыми истоками, предисторией нашей отечественной конституционной юстиции. Поэтому в настоящей статье предпринята попытка показать теоретическую значимость взглядов политических деятелей, ученых-юристов и конституционных проектов упомянутого периода для последующего становления судебного конституционного контроля в стране. Вполне можно согласиться с член-корр. РАН А.Н.Сахаровым, что обращение к нереализованным конституционным проектам в истории России, «но обозначенными и ставшими как бы тенью основного политического развития страны позволяет ярче вывести всю политическую палитру России», но не только XVIII - начала XIX в., как замечает автор, но и последующего времени XIX и всего XX веков.

Общеизвестно, что, с точки зрения сущностной, в основе любого специализированного конституционного контроля лежат идеи верховенства Конституции, разделения властей и примат прав и свобод человека и гражданина. С формальной же позиции юридической базой для этого контроля является градация законов на основные и обыкновенные, подзаконность нормативных актов исполнительной власти и в конечном итоге – обеспечение соответствия законов и иных нормативных актов Конституции. В российской правовой мысли одним из первых наиболее отчетливо эти идеи обосновал М.М.Сперанский, мечтавший о «доброй монархической конституции». В записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803г.) он различал законы (акты законодательной власти) и учреждения (акты исполнительной власти), а среди первых – «три рода законов»: 1) закон государственный (конституционный); 2) закон гражданский; 3) закон (уголовный). «Главные правила, - писал он, - относятся к закону государственному и им определяются». При этом учреждение, по мнению великого реформатора, должно «по необходимости быть сообразно государственному закону, а следовательно, и способы, коими оно приводится в исполнение, должны быть на нем же основаны».

М.М. Сперанский в упомянутой записке объективно подходит к мысли о необходимости «охранения закона», что, по его замыслу, должно стать одной из функций законодательного сената. Последний обязан разрешать по представлению сената судного случаи, законом не определенные, и решать их «согласно государственному закону, представляя на утверждение государю», т.е. с позиции современной доктрины конституционного контроля участвовать в осуществлении конкретного нормоконтроля. Помимо этого, законодательный сенат наделялся правом «ревизии всех новых актов сената исполнительного по отношению ... к коренным государственным законам», т.е. обязательным последующим нормоконтролем актов исполнительной власти. «Новые учреждения должны быть сообразны с государственным законом, а сообразность сию никто не может удостоверять, кроме того, кому вверено охранение закона,» – писал М.М. Сперанский.

В 1809 году в Введении к уложению государственных законов М.М. Сперанский, уточняя свою позицию, подчеркивал, что существует два вида законов: 1) «законы государственные определяют отношение частных лиц к государству»; 2) «законы гражданские учреждают отношения лиц между ними». В числе первых он выделял «два рода» законов: «одни суть преходящие, другие коренные и неподвижные». «Законы преходящие, - писал реформатор, - суть те, коими определяются отношения одного или многих лиц к государству в одном каком-либо случае... Они, по существу, должны изменяться по изменению обстоятельств. Законы коренные, напротив, состоят в началах неподвижных и неизменных, с коими все другие законы должны быть соображаемы».

Идея обеспечения соответствия всех законов «коренным законам», имея в виду Конституцию, красной нитью проходит по тексту проекта М.М. Сперанского, на чем он неоднократно акцентирует внимание. «Во всяком благоустроенном государстве, - повторяет он, - должны быть начала законодательства положительные, постоянные, неподвижные, с которыми бы все другие законы могли быть соображаемы. Сии положительные начала суть коренные государственные законы... Предмет и свойство государственных коренных законов есть определить образ, коим силы государственные сопрягаются и действуют в своем соединении».

План преобразования М.М. Сперанского предполагал в основу устройства государства положить принцип разделения властей и являлся попыткой проведения идеи верховенства закона над самодержавной властью. В качестве сопутствующих этой идее элементов мыслилось определенное институциональное обеспечение соответствия актов исполнительной власти («учреждений») и обыкновенных («гражданских») законов «коренным» (основным) законам. Предполагалось, что «звание и должность хранилища законов» мог бы принять на себя Сенат. «Он будет блюстителем законов по всему государству», - отмечалось М.М. Сперанским в «примечаниях» о сенате (1802г.).

Затем в ярко выраженной форме отечественные идеи о специализированном конституционном контроле в форме «блюстительной» либо «надзирательной власти» выражены в конституционных проектах и воззрениях декабристов в первой четверти XIX века. Русская правда П.И.Пестеля, прообраз будущей республиканской Конституции России, в системе разделения властей предусматривала «блюстительную» власть, дабы законодательная и исполнительная власти не выходили за пределы своих полномочий. Функции «блюстительной» власти предполагалось возложить на Верховный Собор, состоящий из 120 членов, назначенных Народным вече пожизненно из кандидатов от губерний. Председатель выбирается на год самим Собором. Его члены не вправе участвовать в законодательной и исполнительной деятельности.

Верховный Собор, характеризуемый Н.Я.Куприцем как «своеобразный орган конституционного надзора», помимо осуществления ряда административных функций, обязан утверждать принятые Народным вече законы, не вникая в их содержание, «смотря на одни формы, дабы во всем соблюдено законное». Только после утверждения Собором закон получает действительную силу. Таким образом, с позиции современной доктрины конституционного права по проекту П.И.Пестеля предполагалось создать специализированный орган, осуществляющий предварительный формальный конституционный контроль.

Далее шел в своих конституционных идеях по этой проблеме М.П.Бестужев-Рюмин. По его мнению, «надзирательную власть» должен осуществлять Сенат, который вправе «не пропустить закон», хотя бы и принятый парламентом, но не соответствующий хартии (конституции). Иначе говоря, этот орган призван осуществлять не только формальный, но и материальный контроль за содержанием законов, а не конституционный надзор, как ошибочно утверждал Н.Я.Куприц.

Схематично проблему конституционного контроля затрагивали и некоторые другие декабристы. Н.И. Тургенев, в частности, в работе «Политика» (1819 - 1820г.г.) соглашался с необходимостью в «посреднической» власти (*jury constitutionalis*) для решения вопросов и споров между исполнительной и законодательной властями». Но сия посредническая власть должна ... быть вверена людям, не имеющим особенных причин, как то существует в монархиях конституционных, быть совершенно беспристрастными и, вследствие своего предназначения, стремиться единственно ко благу целого государства».

Естественно, что на появление конституционного правосудия в нашей стране повлиял и богатый опыт функционирования европейской, а отчасти - американской моделей судебного конституционного контроля. Восприятию их идей способствовали серьезные теоретические разработки ученых первой трети, а затем 50-80-х годов XX века. Еще до 1917 года русские исследователи-юристы в сравнительно-правовом аспекте анализировали теорию и практику судебной проверки конституционности правовых актов в США и других странах американского

континента и Европы, а также английских доминионов и колоний. «Просветительское» значение для отечественных политиков и юристов имели переводы трудов американских и европейских ученых по государственному (конституционному) праву, в которых определенное внимание уделялось и судебному конституционному контролю. Это было время осторожного, но заинтересованного доктринального освоения чужого опыта и его «примерки» к российским реалиям и перспективам. В этой связи нельзя согласиться с бытующим в нашем правоведении мнением о том, что «интерес к проблеме конституционного контроля возник после образования СССР» и до 1918 года вопрос о нем не поднимался, поскольку Конституции в России как таковой не было. Такая точка зрения противоречит фактам, которые далее нами излагаются, и не бесспорна по формальным соображениям.

Многими учеными Основные законы Российской империи 1906 года воспринимались и воспринимаются если не как конституция, то во всяком случае актами, отличающимися по юридической силе от обыкновенных законов. По крайней мере до революции 1917 г. Основные законы целым рядом известных государствоведов рассматривались в русской доктрине государственного права как конституция в целом либо в определенной части. Даже в 20-х годах В.Н.Дурденевский называл их «очень умеренной конституцией индивидуалистического типа, подражанием в тексте Пруссии и Японии и в принципах – французской Хартии 1814г.». Хотя по этой проблеме еще в дореволюционной литературе была дискуссия, более полный обзор которой дал тогда М.А.Рейснер.

В связи с ожидаемой конституционной реформой в России уже в 1905 году отдельные авторы обратились к американскому и европейскому опытам конституционализма. В сравнительно-правовых исследованиях прямо, а чаще всего косвенно, выводились определенные «рецепты», «модели», «комбинации» реконструирования государственного строя в стране. Попутно с анализом идей разделения властей и парламентаризма затрагивались и вопросы выработки модели «системы» судебной проверки конституционности законов в России. В этот период не только правовым, но и философским постулатом становится идея «судебного контроля над самой законодательной властью», что «основные законы должны связывать законодательную власть и быть преградой для произвола последней».

Одним из первых известных и наиболее крупных трудов по этой проблематике является работа Л.А.Шалланда «Верховный суд и конституционные гарантии». В ней обосновано, «что проверка конституционности законов судом не представляет из себя ничего такого, что противоречило бы основным устоям государственного права». Вместе с тем автор полагал, «что представление судам права контроля над законодательством мыслимо только там, где судебная власть пользуется высоким нравственным авторитетом и поставлена в условия полной независимости от прочих органов государства», где она «стоит вне всяких подозрений от партийности и тенденциозности в широком смысле слова».

Судебная охрана конституции, по мнению Л.А.Шалланда, возможна в условиях, когда учредительная власть отделена от законодательной, когда «гарантируемые гражданам права носят действительно характер публичных субъективных прав. Это вытекает из того, что судебная защита возможна только в качестве восстановления нарушенного законодателем права, обеспеченного основным законом». Суть конституционного контроля, считает ученый, заключается не в отмене противоконституционного закона, что сделало бы суд «стоящим над законодателем», а – в отказе в применении такого закона.

Автор останавливается и на важном для будущего России оптимальном выборе из каждой теоретически возможной и практически складывающейся в мире систем судебного конституционного контроля. И приходит к выводу, что этот «вопрос ... абсолютного решения не допускает, все в данном случае зависит от соотношения политических и общественных сил и местных условий», а также «от того положения, которое исторически создалось для судебной

власти» в стране. В этой связи он высказал сомнение в возможности переноса американской системы судебной проверки конституционности законов «на европейскую почву».

Отдавая ей только «теоретическое предпочтение», Л.А. Шалланд склонялся к другой, судя по контексту более предпочтительной для России, «комбинации», «при которой функции конституционной юстиции всецело сконцентрированы были бы в руках одного высшего суда, куда переносились все дела, требующие предварительного разрешения вопроса о действительности того или другого закона», т.е. «образование особого суда, представляющего наибольшие гарантии осведомленности и независимости».

Разумеется, он видел слабую и сильную стороны этой «комбинации». Такой суд «неизбежно получает характер политического учреждения, на долю которого может выпасть тяжелая, а иногда и непосильная борьба с законодательной властью, тогда как при распределении функций конституционной юстиции между всеми судебными инстанциями сила сопротивления судебной власти в ее целом неправомерным поползновениям парламента, несомненно, увеличивается». С другой стороны, система верховного суда представляет удобство для создания более благоприятной почвы для установления твердой и единой судебной власти.

Помимо кардинальных проблем будущего конституционного правосудия, Л.А. Шалланд затронул в своей работе и некоторые вопросы «второго плана». В частности, касался права рассмотрения судом дел о конституционности законов, как сейчас говорят, «по собственному усмотрению». Автор по этому поводу осторожно замечает, что «в государствах с неокрепшим еще конституционным строем предоставление суду права оценивать конституционность законов, не выжидая ссылки сторон, *могла бы, казалось*, (курсив мой – М.М.) служить полезным средством для удержания юного законодателя от чрезмерных увлечений как в сторону крайнего радикализма, так и в сторону реакции и, до известной степени, предотвратить давление правительства на законодательную машину». Второй вопрос затрагивал проблему: «должен ли судебный контроль распространяться только на материальные нарушения конституции или также и на формальные неправильности, допущенные при издании закона». Автор высказался в пользу первого решения, ссылаясь на «практические соображения» в виду того, что «может оказаться чрезвычайно затруднительным восстановить обстоятельства, сопутствовавшие появлению данной нормы» из-за отсутствия письменных следов и невозможности вызова законодателей в качестве свидетелей.

В какой-то мере Л.А.Шалланд предвосхитил будущую модель конституционной юстиции России, как ее организационно-правовые аспекты, так и политические коллизии.

В это же время другой исследователь М.М. Ковалевский на основе сравнительного анализа американской и западноевропейских конституций пришел к выводу, что для гарантии «обеспеченных конституцией публичных прав» граждан «необходимо создание особого стража, задачей которого было бы следить за соответствием вновь издаваемых законов с конституцией». При этом он ссылаясь на опыт США, где «высшее федеральное судилище и подчиненные ему инстанции» осуществляют «судебное разбирательство по жалобам заинтересованных лиц вопросов о конституционности или неконституционности законов, изданных конгрессом и представительными палатами отдельных штатов». По мнению М.М. Ковалевского, «гарантии, подобные ... изложенным, были бы особенно желательны в странах ... континентальных государств Европы», к коим, как известно, относится и Россия. Он положительно оценивал и деятельность судей в Англии, «где общественное мнение и сложившийся веками обычай оправдывают сознательное опущение судьями неконституционного закона при постановке приговора».

Признавая необходимой для «планируемой» конституционной монархии в России судебную проверку конституционности содержания законов, русские ученые, а также политики либерального толка, фактически отказывались от одного из постулатов теории общего

государственного права конституционной монархии, разрешающей судам проверять законы только со стороны их формальных требований».

Несколько позднее видный русский государствовед Н.И.Лазаревский обосновывал, что судебный контроль является «наиболее действительным из всех видов гарантии конституционности законов». Им же подчеркивалось, что его теоретическое и практическое значение не только в этом. "Судебный контроль, - полагал он, - изменяет самый характер конституции". В отличие от проверки конституционности законов другими учреждениями "ex officio", наиболее ценный, "как учреждения, далеко стоящего от политики". При этом ученый отдавал предпочтение конкретному конституционному контролю, при котором вопрос "разрешается гораздо проще и точнее". Контроль конституционности законов в абстрактной форме, по его мнению, "разрешить бывает почти невозможно, поскольку при издании закона или его публикации практически нельзя предвидеть или представить, что закон окажется в противоречии с каким-либо положением конституции». Помимо этого, преимущество конкретного контроля он видел в том, что в результате последнего "постановления конституции приобретают характер правил, непосредственно устанавливающих субъективные права граждан, подлежащие судебной защите.

Нетрудно заметить, что воззрения Н.И.Лазаревского во многом отражали современный для него уровень американской и европейской практики и науки конституционного (государственного) права. Особенно это очевидно, когда он акцентировал внимание на роли судебного конституционного контроля в преобразовании конституции. Этим же объяснима и недооценка абстрактного судебного конституционного контроля, ограничением предполагаемых возможностей его лишь предварительной проверкой конституционности законов.

Более обстоятельно вопросы судебного конституционного контроля подвергнуты анализу В.Н.Дурденевским. В своей монографической статье "Судебная проверка конституционности закона" он обосновал наличие конституционности двух видов: внешней и внутренней. Первая - когда закон принят с нарушением формы и порядка его издания, установленных конституцией. Вторая - в случае противоречия содержания закона конституционным нормам. Право проверки судами конституционности законов, по его мнению, является следствием системы разделения властей. В этом случае "цель по существу политическая - охранение конституции - достигается путем по существу своему юридическим". Этот вывод автор убедительно иллюстрирует на практике и законодательстве США, Канады, Южно-Африканского Союза и Австралии, а также Аргентины, Бразилии, Мексики. Причем в последней он обнаруживает, в отличие от других названных государств, наличие превентивного судебного конституционного контроля.

Но более интересным является исследование В.Н.Дурденевским института судебного конституционного контроля в европейских странах в период, предшествующий первой мировой войне. Таковой институт автор обнаруживает в Португалии, считая, что он возник там под влиянием ее бывшей колонии - Бразилии. Элементы американской модели судебного конституционного контроля он находит в судебной практике Греции, Норвегии, Румынии. Относительно Швейцарии, по его мнению, Федеральный суд оценивает конституционность только кантональных законов. Германская доктрина, в отличие от судебной практики, констатирует ученый, не отрицает, что суды имеют право исследовать конституционность законов и отказывать в их применении, если они изданы в нарушение конституции.

В.Н.Дурденевский - первый исследователь, который с позиции Основных законов 1906г. предпринял попытку выявить "зачатки" судебного конституционного контроля в России. В результате чего он сделал вывод: "русские обыкновенные суды не имеют права оценивать конституционность законов, хотя бы внешнюю...", в отличие от судов Австрии и Франции, осуществляющих проверку законов по форме и порядку их принятия. "Только Правительствующему Сенату принадлежит (ex officio) контроль конституционности русских

обыкновенных законов - и притом конституционности внешней". Сенат должен следить за соблюдением формы и порядка издания законов, предписанных Основными законами .

Оценку конституционному правосудию и его перспективам дал и другой видный русский государствовед того времени С.А.Котляревский. На основе анализа практики Верховного Суда США он пришел к заключению: «Каковы бы ... не были ... недостатки американского суда, лишь возможность подобной судебной проверки представляет действительную гарантию против нарушений конституции законодательной власти; естественно, это особенно важно для федеративного государства, где конституция определяет границы законодательных полномочий, присущих центральным и местным органам ... Во всяком случае теоретически такая компетенция суда ... вполне отвечает началам правового государства».

Вместе с тем отдельные российские государствоведы не видели в американской модели судебного конституционного контроля «положительного образца» для будущей России, критикуя ее «справа» либо «слева». Так, И.Гурвич называл Верховный Суд США «оплотом реакции», обвинял его в «партийной пристрастности», «во вторжении путем судебной интерпретации в законодательство» и конституцию и полагал, что «исторический опыт Соединенных Штатов показывает, что несменяемый суд совершенно непригоден для роли хранителя народных прав» .

Но большинство отечественных исследователей того времени высказывались в пользу права судов проверять конституционность законов и отказывать в применении неконституционных законов, обосновывая тем, что доктрина и практика многих стран считает это право «логической и нормальной функцией судебной власти, как общий принцип права». Необходимость судебного конституционного контроля, с теми или иными обоснованиями, признали и другие российские государствоведы. При этом нередко подчеркивалось, что «решение политических вопросов ... не может входить в сферу суда».

Помимо доктринального освоения идей судебной проверки конституционности нормативных актов, предпринимались и попытки "внедрения" их в различного рода конституционные проекты, вынашиваемые в русских либеральных кругах конца XIX - начала XX веков. В частности, "проектом Русской Конституции" (Основным Государственным Уставом Российской Империи), изданным в 1894 году в Лондоне Комитетом Фонда Вольной Русской Прессы, предполагалось возложить на Сенат как высший судебно-административный и контрольно-надзорный орган государства предварительное толкование Конституции по обращениям государственных органов при "встреченных государственными учреждениями сомнениях в понимании и толковании точного смысла" ее с последующим предоставлением постановления по этому вопросу Императору, который или утверждает его, либо передает на обсуждение Земского Собора (ст.10) .

Предварительный и обязательный конституционный надзор предполагается "проектом Русской Конституции" и в отношении уже утвержденных Императором законов, но до их обнародования. Согласно статье 60 проекта, "если Сенат встретит сомнение в согласии закона с правилами сего Устава, то обсуждает его в общем собрании, и если найдет, что закон издан без соблюдения установленного порядка, или содержит в себе постановления, несогласные с Уставом, то представляет об этом Императору, который либо отменяет данное им утверждение, либо передает дело на разрешение Земского Собора".

Таким образом, в отличие от американской модели судебного конституционного контроля, названным проектом предполагалось ввести предварительный конституционный абстрактный нормоконтроль, не связанный с рассмотрением конкретных дел. Хотя, проект закладывал и основы будущей конституционной жалобы, закрепляя норму: "Всякому гражданину принадлежит право возбуждать... споры в интересах закона" (ст.75). В этом прослеживается уже самостоятельный подход к защите прав и свобод граждан, опережающий другие страны континентальной Европы.

Комментируемый конституционный проект, как утверждал С.М.Степняк-Кравчинский, во многом перекликается с более ранним проектом профессора М.П. Драгоманова (1884г.), по схеме

которого «законодательство подчиняется контролю высшего суда – Сената, даже непосредственное и прямее, чем в Америке ... Сенат может кассировать законы, как неконституционные, тотчас по их проведении», в то время как американский суд должен ждать иска частного лица в конкретном деле. Со С.М.Степняком-Кравчинским спорил Б.Кистяковский, утверждая, что «невозможно выработать конституцию свободную от заимствований». То, что Драгомагов производил свои заимствования у американских и швейцарских образцов объясняется не простым подражанием, а тем, что он был противником «государственного централизма «во всех его формах и видах» и поэтому симпатизировал федерализму, опирающемуся на земство. И избранные ученым заимствования отражали его взгляды.

В проекте движения Освобождения, называемом «проект Геллерта (1904 г.)», где в завуалированной форме изложены основные принципы будущей российской конституции, в разделе VII "Охрана конституции" предусматривалось, что основным гарантом конституции является судебная власть, представленная Сенатом. В его функции предполагалось включить общее наблюдение за конституционной законностью, право "останавливать" законы, признанные неконституционными, толковать действующее законодательство, признавать недействительными выборы, разрешать конфликты между обеими палатами парламента, а также между органами местного самоуправления и центральным представительством. Важнейшим правом Сената в области контроля над правительством должно стать право суда над министрами. Предполагалось, что Сенат должен иметь структуру, отражающую интересы всех участников политического процесса - представительной власти, земских институтов и монарха, а поэтому в его формировании должны участвовать обе палаты парламента и монарх.

Указанный проект стал "предтечей" разрешения многих вопросов статуса конституционных судов как по порядку их формирования, так и по определению компетенции.

Другой проект Конституции, составленный группой земцев, ученых и литераторов и воспроизведенный из иностранных источников газетой «Право», предусматривал учреждение в России Верховного Суда «для охранения основного государственного закона от нарушения или для разрешения споров о его истолковании». Состав этого органа и порядок судопроизводства в нем должны определяться особым законом. Вместе с тем, провозглашая независимость судебной власти, проект предоставлял Верховному Суду полномочия: «1) отменять правительственные распоряжения, несогласованные с основными законами, если распоряжения эти не подлежат рассмотрению иных судов; 2) отменять правительственные распоряжения и судебные приговоры, противные основным государственным законам или изданные с нарушением установленного порядка законодательства; 3) отменять незаконно произведенные выборы в Государственную Думу; 4) разрешать все могущие возникнуть споры об истолковании основного государственного закона». Предполагалось, что Верховный Суд будет рассматривать дела по жалобам частных лиц и общественных учреждений; по представлению министра юстиции или государственного канцлера; по указам императора или обеих палат Государственной Думы (ст.ст.75-78).

В предисловии к переводу с немецкого книги М.Вебера «Исторический очерк освободительного движения в России и положения буржуазной демократии» С.И.Живаго подчеркивал, что этот «проект русской конституции» отличается от большинства законодательных актов Западной Европы введением «в политическую жизнь института, который имеет назначение гарантировать от противозаконных правонарушений высших органов государственной власти и законодательных органов самую Конституцию». В этом он видел «здоровую политическую мысль» и рассматривал ее в числе трех (свобода, всеобщее прямое избирательное право и *закономерность*) «великих творческих основных мыслей, которые светятся в проекте конституции Русского Государства». Сам М.Вебер, критикуя «трактуемый проект» как «совершенно неисторичный» в решении проблем, касающихся национального вопроса, положения царя, верховенства парламента и других, в то же время отмечал как достоинство документа «право судебно оспаривать посредством органов самоуправления соответствие конституции

государственных законов». Авторы проекта, по его мнению, «пытались создать нечто, действительно новое, предполагая организацию высшего трибунала, стоящего совершенно вне юридических учреждений», но в то же время они ошибочно отождествляли его функции как «копию Американского «Высшего Суда».

В более умеренном проекте С.А.Муромцева (именуемом как "Проект Основного закона Российской империи, измененный земским бюро") в разделе VI "О судебной власти" Верховный Суд уже отсутствует. Определенные ограничения монархической власти в области законодательства обуславливались обнародованием законодательных актов правительствующим Сенатом, которые становились обязательными для судебных органов в том случае, если их содержание, порядок принятия и издания не противоречат Основному закону (ст.ст.4, 6-9). Этим проектом предполагалось установить правило: «Судебные установления отказывают в применении законодательных постановлений, хотя бы обнародованных в виде законов, когда таковые постановления нарушают своим содержанием точный смысл ... основного закона» (ст.8). Нетрудно заметить, что под влиянием сложившейся американской модели судебного конституционного контроля С.А.Муромцев проектировал для России возможность осуществления судами общей юрисдикции конкретного конституционного нормоконтроля.

В научной литературе признается, что приведенные конституционные проекты, особенно проект С.А.Муромцева, оказали влияние на Основные законы России 1906 г., "скорее на их форму, чем содержание".

При всем доктринальном и политическом интересе российская государственная практика вследствие "зачаточного конституционализма" не могла воспринять и реализовать идеи судебного конституционного контроля. Хотя уже и в эти годы институциональным "предтечей" будущим органам судебного конституционного контроля являлся Сенат, который после принятия Основных законов 23 апреля 1906 года наделялся правом обнародовать законы и отказывать в опубликовании, если порядок их издания не соответствовал Основным законам. Он имел право толкования законов и проверки законности административных распоряжений, следил за правильностью выборов в Государственную Думу и органы местного самоуправления, решал споры о компетенции между административными учреждениями, т.е. осуществлял многие из тех функций, которые сейчас составляют компетенцию конституционных судов. И.А.Кравец обоснованно, на наш взгляд, назвал эти функции Сената "формой конституционного надзора". Но, по его мнению, надлежащему выполнению полномочий Сената препятствовали порядок его формирования: назначение сенаторов монархом по представлению министра юстиции, необязательность для них высшего юридического образования, сохранение за сенаторами права совмещать административные должности и заседать в верхней палате - Государственном Совете. Все это не обеспечивало независимости Сената.

Позиция И.А.Кравца находит подтверждение в ряде серьезных юридических исследованиях начала XX века. В частности, Г.Ф.Шершеневич полагал, что "Сенат проверяет конституционность Высочайше утвержденных актов, по крайней мере с формальной стороны их издания...". Ф.В.Тарановский шел еще дальше и доказывал, что при несоответствии обыкновенных законов по содержанию основным законам Российской Империи Сенат вправе был отказать в их обнародовании.

Однако практика осуществления Сенатом этого полномочия вызвала серьезную критику современников, которые упрекали его в «недостаточной самостоятельности» и приходили к выводу, что Сенат не приспособлен даже к тому куцему «конституционному строю», который обозначен Основными законами 1906 года.

Позднее, после февральской революции 1917г., Особая Комиссия по составлению проектов основных законов при Временном Правительстве предполагала предусмотреть судебную защиту будущей Конституции Российской республики. На первом заседании Комиссии 11 октября 1917 года в приблизительной программе вопросов, подлежащих разработке, под номером 16 значился

«Порядок пересмотра конституции. Гарантии Конституции». На следующем заседании 14 октября 1917 г., вторая часть этого вопроса была уточнена и называлась «Судебная гарантия конституции». В связи с этим нельзя согласиться с мнением Ю.Л.Шульженко, что из приведенных документов трудно сделать какие-либо выводы, связанные с институтом конституционного контроля. По крайней мере можно говорить с большей степенью вероятности о проектировании Комиссией института судебной защиты конституции, а следовательно и судебной проверки конституционности законов и других нормативных актов.

Октябрьская революция 1917 г. не позволила реализоваться этим намерениям. В начале января 1918 года народный комиссар юстиции П.И.Стучка в статье «Старый новый суд» заявил, что при реформировании прежней судебной системы «находим лишним существование ... единого толкователя законов и во всяком случае будем бороться против учреждения суда типа американского, уполномоченного судить даже о конституционности законодательных актов». Весьма осторожно с ним полемизировал А.Евстихеев, который проанализировав существовавшие тогда системы судебной проверки конституционности законов, писал, что "практика и теория англо-саксонских народов, в особенности американцев, может оказать русской демократии пользу при определении основных направлений предстоящих реформ". В связи с этим А.Евстихееву "представлялись непонятными ... возражения против представления судам права проверять конституционность издания законов...».

В ходе подготовки первой советской Конституции идея конституционного правосудия не обсуждалась, как идеологически неприемлемая. Комментируя уже в 1923 году проект НКЮ, подготовленный главным образом профессором М.А.Рейснером, который предусматривал, что никакой закон не может быть издан в противоречие конституции, что «такой акт почитается не имеющим никакой обязательной силы», Г.С.Гурвич иронизировал: «... кто будет судить, противоконституционен тот или иной акт центральной власти или нет. Неужели она сама? Она конечно некомпетентна... А создать в Советской Республике федеральный суд с правами конституционного телохранителя проект не решился». И далее Г.С.Гурвич констатировал, что «единственно правильный вывод из этого положения ... предоставить ЦИКу право изменения и дополнения конституции. В этом была единственная возможная гарантия от нарушений и лучший способ обеспечить закономерное развитие и рост основного закона в согласии с требованиями жизни».

Конституция РСФСР 1918 г., исходя из принципа полновластия Советов, не допускала возможность судебной проверки конституционности нормативных правовых актов. Конституционный контроль по смыслу Конституции возлагался на Всероссийский съезд Советов и ВЦИК, а впоследствии в определенной мере и на Президиум ВЦИК.

М.А. Рейснер уже после начала действия этой Конституции пытался в косвенной форме теоретически обосновать неприемлемость судебного конституционного контроля для советского государства. В лекциях на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба РККА в 1918/1919 учебном году ученый положительно оценивал «особую формальную защиту» Конституции в США «особым федеральным судом», видя в этом «большую ... неприкосновенность конституции ... необычную законность, необычную твердость этого правового и конституционного характера современной демократии». Вместе с тем он признал такой «блестящий ... прекрасный акт» неприемлемым для России, объясняя это идеологическими мотивами, а также тем, что принятая конституция - «это временное учреждение», и стоит ли для ее охраны «сооружать такой колоссальный, громоздкий аппарат». России, по мнению М.А. Рейснера, необходима гибкая и подвижная Конституция, которая не давала бы возможности «останавливаться на закостенелых формах», а для этого она «построена на началах не правовой законности, а целесообразности, телеологии, позволяющей влить в нее любое содержание». «Поэтому, как далее подчеркивал ученый, - когда мы говорим, что в основу нашей конституции положена идея цели и целесообразности, это значит, что наш основной закон не есть воплощение неподвижности и

мертвой справедливости, ... но есть только рабочий чертеж, план общественного строительства... А такой план не претендует на непогрешимость».

«Отсюда, - резюмировал М.А. Рейснер, - вытекает и для нас совершенно иное отношение к основному закону или конституции, нежели то, которое мы встречаем при конституции строго правовой. И если в последнем случае главная задача заключается в толковании и применении раз и навсегда установленного закона и приходится подгонять под него все другие или совершенно не предусмотренные случаи, то у нас на первое место выдвигается обязанность постоянной критики и работы над усовершенствованием конституционного закона».

Таким образом, в течение первых почти двух десятилетий XX века русская государственно-правовая мысль посредством доктринальных исследований и конституционных проектов критически освоила западный опыт конституционного правосудия, выявила перспективную заинтересованность в нем, а также определила возможность модели и тенденции развития судебного конституционного контроля в России. Причем, с точки зрения организационно-правовой, наметила несколько альтернативных вариантов: 1) приспособление для этой цели прежних институтов (Сената); 2) создание особого высшего суда; 3) осуществление конституционного нормоконтроля судами общей юрисдикции. Склоняясь преимущественно к необходимости судебной проверки конституционности законов в связи с конкретными делами, отдельными исследователями и проектами убедительно обосновывалась необходимость предварительного абстрактного судебного конституционного нормоконтроля и осуществления толкования конституции в специальной процедуре. Однако исторически обусловленный процесс реализации идей конституционного правосудия в практику был прерван «революционным экспериментом» в стране.

АРМЕНИЯ

В. В. Погосян
член Конституционного Суда
Республики Армения

**Феномен конституции в армянской
политико-правовой мысли**

Понятие "конституция" в армянском языке употребляется издавна наряду с другими понятиями (законоположение, уложение, уставная книга, судебник, каноническое право и т. д.), имеющими сходные значения. Однако они постепенно уточняются, приобретая значение конкретных понятий, и строго разграничиваются друг от друга. Об этом свидетельствуют уже сами названия трудов армянских мыслителей средневековья, таких как "Каноническая конституция" (начало VI в.), "Книга канонов" Иоанна Одзнеци (VIII в.), "Каноническое законоположение" Давида, сына Алавика (начало XII в.) и др. Что касается "Канонической конституции" царя Вачагана, то следует отметить, что по процедуре подготовки и особенно принятия данного документа, по характеру поставленных задач и целей и некоторых особенностей регулирования общественных отношений, этот документ имеет много общего с современными представлениями о конституции.

В этом отношении особое место в армянской действительности занимает труд Ш. Шаамиряна "Западня тщеславия" (изд. в Мадрасе в 1773 г., переиздан в 1913 г. в Тифлисе). Вторая часть этого труда представляет собой проект целостной Конституции Армении (здесь понятие "конституция" употребляется не в условном смысле, а в прямом – в современном понимании этого слова, ибо "Западня тщеславия" полностью соответствует всем основным характеристикам, пред? являемым к конституции). Этот проект конституции был предназначен для будущей освобожденной и независимой демократической Армении. В проекте представлены республиканский конституционный строй, права, свободы и обязанности человека и гражданина, основы организации высших государственных и местных органов власти и их компетенции, другие основные принципы регулирования общественных отношений. Проект полностью соответствовал прогрессивным требованиям своего времени, был составлен в соответствии как с демократическими принципами, так и с национальными правовыми традициями и представлениями.

Естественно возникает вопрос: чем об? яняется то обстоятельство, что конституция была составлена для еще несуществующего государства, в то время как вообще конституции составляются для реально существующих государств.

Кстати, аналогичный случай в армянской действительности уже был. Речь идет об Армянском судебнике Мхитара Гоша, который был составлен в 1184 г., то есть тогда, когда Армения была лишена своей государственности. В этом плане интересно сравнение правовых принципов Судебника Мхитара Гоша и Судебника Смбата Гундстабля (1264 г.), который был составлен для Киликийского Армянского государства.

Можно предположить, что и Мхитар Гош, и спустя шестьсот лет после него, Ш. Шаамирян, руководствовались немеркнувшей идеей восстановления армянской государственности – идеей "фикс" всех истинных интеллигентов, которые пытались выработать подходы, способные об? единить народ, стать ориентирами национально- освободительной борьбы, вооружить верой в возможность скорого восстановления государственности. В противном случае создание трудов, необходимых прежде всего для государства, лишено всякого смысла.

Считаем важным об? яснить, почему Ш. Шаамирян свой труд озаглавил "Западня тщеславия", а не просто "Конституция" – название которое в настоящее время кажется более естественным, тем более, что, как уже было отмечено, в армянском языке такое понятие было употребительным. Следует иметь в виду, что в Западном мире в то время существовала лишь идея конституции, не было ни американской, ни европейской традиции называть основным закон государства конституцией. Следовательно, не имея возможности следовать какому-то примеру, автор должен был пойти собственным путем. Ш. Шаамирян проявил оригинальный подход. Это становится ясным уже при знакомстве с полным заголовком труда, которое было принято в то время: "Книга названная ЗАПАДНЯ ТЩЕСЛАВИЯ для предупреждения всякого рода бесчинств". Отсюда однозначно вытекает, что целью основного закона является обуздание бесчинств и

правонарушений. В тексте автор утверждает, что следует истиной и справедливостью создать "капкан" для правонарушителей. В целом создается впечатление, что автор, по-видимому, хотел в самом названии труда передать основной смысл и назначение конституции, а именно: конституция должна стать инструментом защиты от властных искушений, для сдерживания бесчинств чиновников и вообще законодательной, исполнительной, судебной властей.

Нам кажется, что под воздействием указанных идей в середине XIX века в Западной Армении, которая находилась под игом Османской империи, т. е. и на этот раз при отсутствии государственности, усилиями группы армянских мыслителей (Н. Русинян, Г. Отян и др.) было положено начало конституционного движения. Целью этого движения было добиться от правительства империи определенной автономии в национальных вопросах, в культурной, религиозной, образовательной сферах жизни армянских общин, а также в отношениях с государством.

В итоге, в 1863 г. правительство Турции официально утвердило документ и разрешило в указанных вопросах руководствоваться этим документом, который был назван "Национальная Конституция". Не вдаваясь в подробности, укажем только на одну особенность. Как известно, конституцией называется основной закон суверенного государства, о чем хорошо было известно авторам этого документа, ибо многие из них получили европейское образование. Следовательно, может показаться странным то обстоятельство, что документ, регулирующий внутренние отношения общины, был назван не *положением* (или *уставом*), а *конституцией*. И не случайно, что многие исследователи этого документа называют его "*положением*". Однако знакомство с кругом поставленных задач, с принципами регулирования различных отношений, с формами организации национальных органов и т. д., не оставляет сомнений в том, что, несмотря на наличие некоторых элементов положения (или устава), указанный документ по своей сути является конституцией. Такой подход (подготовка правовой почвы для будущей государственности) по-видимому объясняется также и тем, что они руководствовались библейским принципом, согласно которому для человека "следовало определить еще и правовые координаты, и не после, а до сотворения".

Однако в данном случае важна не правовая сторона вопроса. Авторы "Национальной Конституции", продолжая традицию, заложенную Месропом Маштоцем и продолженную Мхитаром Гошем, Ш. Шаамиряном и другими мыслителями, по примеру своих великих предшественников, решали в первую очередь политическую задачу:

а) способствовать восстановлению государства и с этой целью поднять и умножить дух национально-освободительного движения;

б) национально-освободительному движению придать определенную ориентацию и идеологическое обоснование, участникам освободительной борьбы показать контуры будущего гуманистического государства, в котором они будут жить;

г) создать такие труды, которые после обретения независимости могли быть непосредственно использованы на практике и тем самым способствовали бы скорейшему становлению государственности.

Тем не менее первой действующей конституцией в армянской действительности, принятой в 1922 г. на государственном уровне, была конституция Советской Армении, в основе которой легли принципы Российской конституции 1918 г. После создания Советского Союза и Закавказской Федерации была принята новая конституция Советской Армении, на этот раз на основе Советской Конституции 1924 г. В последующем в Армянской ССР были приняты новые конституции в 1937 г. и в 1978 г., повторяя соответственно Конституции СССР 1936 г. и 1977 г.

В этой связи следует отметить, что так называемые советские конституции полностью были построены на теоретических принципах марксизма-ленинизма, соответствовали требованиям тоталитарного государства и, следовательно, не имели ничего общего с теми положениями и стандартами, по которым развивались западные конституционные теории. Поэтому в Армении не

сформулировалось такое конституционное право, которое соответствовало бы представлениям правового государства и гражданского общества, - обстоятельство не позволившее Республике Армения в кратчайшие сроки принять новую постсоветскую конституцию, что имело место лишь в 1995 г. К сказанному следует также добавить, что вдобавок ко всему в результате семидесятилетнего тоталитарного господства были основательно подзабыты конституционные познания прошлого и потому образовался большой разрыв между прежним наследством и современными представлениями. Точнее, современные западные ценности мы не можем сопоставить, сравнить и совместить с национальными ценностями, в результате чего мы оказались в роли пассивного подражателя.

Valery V. Poghossian
**Member of Constitutional Court
of the Republic of Armenia**

The Phenomenon of Constitution in Armenian Political and Legal Thought SUMMARY

The conception of "constitution" is being used in Armenian language since olden times. Indicative of this could be even if the "Canonical Constitution" of the king Vachagan.

A very special place in Armenian reality has a work "Trap for Vanity" by Sh.Shahamirian (published in Madras in 1773, republished in 1913 in Tiflis). The second part of this work is an integral Constitution of Armenia. This project of a constitution was destined for the future liberated independant and democratic Armenia.

Naturally a question raises: how we can explain the fact that a constitution was composed for a country that did not yet have a statehood?

Such case was already well-known in an Armenian reality (the Code of Law by Mckhitar Gosh, created in 1184 at the time when Armenia did not have a statehood).

We can just assume that both Mckhitar Gosh and Sh.Shahamirian were guided by an unfading idea of restoration of the Armenian statehood.

Sh.Shahamirian entitled his book "Trap for Vanity" meaning that the constitution must become an instrument that should defend from authoritative temptations, that should deter the outrages of the officials and also the legislative, executive and judicial branches of power in general.

In 1863 the Turkish government confirmed and officially allowed to use the "National Constitution" in the internal life of the Armenian Community and to be guided by it.

And again a question raises: why namely the constitution was created to regulate and control the life of the Community? And as in the previous case as well as for now the legal side of the question was not the important part. The thing is that all mentioned thinkers were trying to determine and resolve a political problem in the first place:

- a. to promote the restoration of the statehood and for this purpose to increase and to augment the spirit of national-liberation movement;
- b. to inspirit certain orientation and an ideological background for the national-liberation movement;
- c. to create special works which after the restoration of the statehood could be directly used practically and thereby would promote a quick formation of the statehood.

Заседание Конференции Европейских Конституционных Судов

19-21 октября 2000г. в Брюсселе состоялось Заседание Конференции Европейских Конституционных Судов, на котором присутствовали делегации Конституционных Судов 9 стран-наблюдателей и 21 стран - полноправных членов Конференции, а также Европейской комиссии "Демократия через право" Совета Европы (Венецианская комиссия). В повестке дня были

намечены обсуждения заявлений о принятии членов-наблюдателей в полноправные члены, а также вопросы подготовки предстоящего в 2002 г. Заседания XII Конференции Европейский Конституционных Судов.

Основные задачи Конференции - сотрудничество в сфере конституционного правосудия, обмен информацией и опытом, обсуждение проблем конституционного правосудия, а также определение европейских стандартов в конституционной сфере. Организация ставит своей целью также определение общих европейских стандартов в сфере конституционного правосудия, которые разным странам дадут возможность учета толкования и подходов Конференции в процессе законодательных, конституционных реформ.

Еще в 1997 г. Конституционному Суду Республики Армения присвоен статус наблюдателя. После, в прошлом году, Конституционный Суд Республики Армения, согласно Уставу Конференции, обратился с просьбой о принятии в полноправные члены и представил все предусмотренные пунктом 6 материалы.

После получения заявлений членов-наблюдателей Конференция создала Подготовительную комиссию для изучения деятельности конституционных судов стран, обратившихся с просьбой предоставить статус полноправного членства.

Подготовительная комиссия, в состав которой вошли представители Конституционных Судов Швейцарии, России, Кипра и Конституционного Совета Франции (председатели и члены), изучая Закон РА "О Конституционном Суде", ряд важных решений КС РА, представленные документы, деятельность КС РА в разных сферах, единогласно представила положительное заключение о деятельности Конституционного Суда Республики Армения.

Далее состоялось голосование, в результате Конституционному Суду РА был присвоен статус полноправного члена Конференции Европейских Конституционных Судов.

Конституционный Суд РА - первый из структур РА, который до членства РА в Совете Европы получил статус полноправного члена европейской структуры.

"За" выступили 20 голосовавших, единственный воздержавшийся - Конституционный Суд Турции.

На заседании рассмотрены также вопросы подготовки предстоящего в 2000 г. в Брюсселе Заседания XII Конференции Европейских Конституционных Судов. Представлены 32 темы, среди которых выбрана тема сотрудничества конституционных судов и судов общей юрисдикции.

На Заседании было отклонено заявление Конституционного Суда Израиля о принятии в члены-наблюдатели, а также было отложено рассмотрение заявления КС Беларуси о принятии в полноправные члены.

В течение Подготовительного заседания XII Конференции Председатель Конституционного Суда РА Г. Арутюнян имел многочисленные встречи с делегациями конституционных судов разных стран и других институтов, осуществляющих конституционное правосудие, в частности, Азербайджана, Бельгии, Германии, Грузии, Италии, Литвы, Польши, России, Украины, а также с делегацией Венецианской комиссии. Во время встреч была достигнута договоренность о расширении, развитии двусторонних связей, обмене опытом.

Визиты делегации Конституционного Суда Румынии в Российскую Федерацию и Республику Армения

В рамках сложившейся практики сотрудничества и обмена визитами делегаций между Конституционными Судами Российской Федерации и Румынии делегация Конституционного Суда Румынии 21-24 января 2001 года во второй раз за последние 4 года посетила Москву.

Состав делегации включал Председателя Конституционного Суда Румынии Лучяна Михая, судей Иоана Мурару и Николае Попа, генерального секретаря Руксандру Сэбэряню.

Делегация всесторонне ознакомилась с нынешней деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации. В ходе встреч с Председателем Конституционного Суда М.В.Баглаем и российскими конституционными судьями стороны обменялись информацией по рассмотренным в

последнее время делам, обсудили представляющие взаимный интерес вопросы теории конституционного права и судебной практики, обменялись опытом совершенствования конституционного судопроизводства и повышения его эффективности. Особое место в дискуссиях заняли вопросы обеспечения защиты конституционных прав и свобод граждан.

В целях ознакомления с системой судов общей юрисдикции делегация посетила Верховный Суд Российской Федерации и Высший Арбитражный Суд российской Федерации.

Делегация была также принята Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г.Н.Селезневым.

А 24-28 января делегация Конституционного Суда Румынии посетила Республику Армения.

Во время визита в Армению делегация КС Румынии встретилась с Председателем КС Республики Армения Г. Арутюняном, с членами и аппаратом КС.

Г. Арутюнян ознакомил гостей с 5-летней деятельностью Суда, его структурой, международными связями, с ролью и значением Суда в развитии государства.

Гостям вкратце были представлены также те основные проблемы, которые стоят перед Конституционным Судом Республики Армения, созданным сразу после принятия Конституции.

Председатель Конституционного Суда Румынии Л. Михай ознакомил с системой конституционного контроля Румынии, с ее особенностями, с Конституционным Судом Румынии, рассказал о полномочиях Конституционного Суда.

Делегацию принял Президент Республики Армения Р. Кочарян, состоялись встречи с Председателем Национального Собрания А. Хачатрянном, с министром иностранных дел В. Осканяном, с Генеральным прокурором РА Б. Назаряном, с Председателем Кассационного Суда Г. Даниеляном, председателями судов г. Ереван.

В дни визита гости посетили Эчмиадзин, памятник жертвам Геноцида армян, музей Сергея Параджанова, Хор-Вирап.

Визит в Армению министра иностранных дел Латвии - председательствующей страны в Совете Европы

В связи с предстоящим членством Армении и Азербайджана в Совете Европы 3-4 января состоялся визит в Армению и Азербайджан министра иностранных дел Латвии И. Берзинша в качестве министра иностранных дел страны, председательствующей в Совете Европы.

В Армении делегация встретилась с Премьер-министром РА А. Маргаряном, с Председателем Конституционного Суда РА Г. Арутюняном, с Председателем Национального Собрания РА А. Хачатрянном и с лидерами политических партий, представленных в Парламенте РА, с министром иностранных дел РА В. Осканяном, с Католикосом всех армян Гарегином II, а также с уполномоченными послами стран - членов Совета Европы в Республике Армения. Беседы в основном проводились вокруг следующих вопросов: завершение в январе процесса подготовки к вступлению в члены, в том числе одновременное членство двух стран или в зависимости от надобности раздельное членство, осуществляемые в Армении реформы, значение членства всех стран региона для дальнейшего развития. Встреча с Председателем Конституционного Суда РА Г. Арутюняном была посвящена обсуждению конституционных и законодательных реформ. Г. Арутюнян обстоятельно ознакомил с проводимой с Венецианской комиссией работой и результатами двух проведенных встреч. Основные изменения направлены на расширение круга субъектов обращения в Конституционный Суд. Этим правом наделены отдельные личности, суды первой инстанции, Правительство и Генеральный прокурор, а что касается Национального Собрания, то необходимость для 1/3 голосов депутатов заменена правом обращения по инициативе 10 депутатов.

Г. Арутюнян отметил, что референдум по конституционным реформам намечается в конце 2000 г.

Г. Арутюнян особо подчеркнул реформы судебной системы, придавая большую важность гарантиям независимости судей, а также реформы Совета правосудия с целью расширения его независимости.

Председатель КС РА ознакомил также с деятельностью по разработке и преобразованиям 6 главных законодательных актов (Гражданская служба, Политические партии, Кодекс о выборах, Закон о печати и т.д.).

Собеседники были единого мнения о том, что членство - это только начало.

Конституционному Суду Республики Армения - 5 лет

6 февраля 2001 г. Конституционному Суду Республики Армения исполнилось 5 лет. Суд уже прошел этап становления и играет существенную роль в деле обеспечения бесповоротности демократических процессов, осуществления эффективного конституционного правосудия, укрепления конституционной законности, признания верховенства права, формирования гражданского общества и утверждения предпосылок правового развития в Республике Армения.

Конституционный Суд Армении, созданный после принятия Конституции 1995 г., которой Республика Армения усыновила подходы и готовность к построению правового государства и гражданского общества, в течение 5 лет прошел серьезные испытания и в настоящее время занимает ведущее место в системе государственной власти страны.

Основной критерий оценки деятельности Конституционного Суда Республики Армения - растущее доверия населения республики, ее государственных, политических и общественных структур к Конституционному Суду, чего Конституционный Суд добился вследствие осуществления в стране эффективного судебного конституционного контроля, создания всеобщей атмосферы верховенства права, развертывания целенаправленной и продуктивной деятельности в сфере укрепления основополагающих демократических принципов.

В основе подготовки, рассмотрения и принятия постановлений по любому принятому в Суде делу лежат огромные усилия членов и специалистов аппарата Конституционного Суда Республики Армения по изучению международных документов и опыта конституционного контроля, по выявлению стереотипов и научном анализе, глубокое и всестороннее изучение общественной практики, как и обоснованное толкование научно-обоснованных конституционных и правовых норм.

В связи с находящимися в производстве делами суд ориентируется на правоприкладную практику и теоретические обобщения, на изучение международного опыта конституционного права и сравнительный анализ. Конституционным Судом Республики Армения и Центром конституционного права РА организованы 12 международных семинаров и научных конференций, в которых приняли участие более 120 известных ученых из 30 стран мира, специалисты и эксперты, как и представители Европейской комиссии "Демократия через право" (Венецианская комиссия) Совета Европы, Генерального директората по правам человека и других известных международных организаций. На семинарах и научных конференциях разворачивались интересные и полезные обсуждения мнений и точек зрения, в которых отражается международный опыт в этой области.

Конституционный Суд Республики Армения со дня создания активно сотрудничает с органами конституционного контроля многих стран. Делегации Конституционного Суда Республики Армения с официальными визитами посетили США, Бельгию, Беларусь, Германию, Италию, Латвию, Польшу, Молдову, Румынию, РФ, Грузию, Францию, Украину. В 2001 г. предусмотрены визиты в Испанию, Португалию, Польшу, Иран, РФ, Грузию. По приглашению Конституционного Суда Армению посетили делегации Конституционных Судов Испании, Польши, Румынии, РФ, Грузии, Наблюдательного Совета Ирана, как и специалисты, ученые и представители конституционного контроля многих субъектов Австрии, Азербайджана, Албании, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Кипра, Казахстана, Кыргызстана, Латвии,

Литвы, Мальты, Молдовы, Португалии, Российской Федерации, Словакии, Словении, США, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Франции, Хорватии, Чехии, Швейцарии, Югославии.

Органы конституционного правосудия многих стран и международные организации непосредственно и в рамках международных организаций конституционных судов эффективно и активно сотрудничают с Конституционным Судом РА.

Особенно тесные связи сложились между Конституционным Судом РА и Европейской комиссией "Демократия через право" Совета Европы (Венецианская комиссия). Конституционный Суд Армении - в числе постоянных участников почти всех организуемых Венецианской комиссией мероприятий, а все основные международные мероприятия, организуемые Конституционным Судом РА, проводятся либо совместно с Венецианской комиссией либо при участии ее представителей. Председатель Конституционного Суда РА Г. Арутюнян избран членом Венецианской комиссии, а советник Конституционного Суда Г. Ваанян является полноправным представителем Конституционного Суда РА в Комиссии.

19-21 октября 2000 г. в Брюсселе состоялось заседание Совета европейских конституционных судов, на котором Конституционный Суд РА стал полноправным членом Совета Европейских Конституционных Судов.

Конституционный Суд РА представлен также в составе Руководящего совета Международного содружества конституционного права.

Конституционный Суд Республики Армения принимает активное участие в реформах действующей Конституции РА. Двое членов Конституционного Суда назначены Президентом РА в состав Комиссии по конституционным реформам. При непосредственном участии экспертов и конституционалистов в Конституционном Суде РА подверглись глубокому анализу действующая Конституция, ее соответствие международным, в частности, европейским стандартам.

Со дня создания Конституционный Суд РА занимается активной издательской деятельностью. Под авторством членов Суда издательствами Армении и зарубежными издательствами опубликованы 28 монографий, 160 статей, более 80 различных материалов, посвященных актуальным проблемам и темам конституционного права. Члены Конституционного Суда РА выступили с докладами, посвященными проблемам конституционного правосудия, на 36 международных научных конференциях и семинарах.

Комплексный анализ вопросов конституционного правосудия сделан в книге Председателя Конституционного Суда РА Г. Арутюняна и профессора А. Мавчича из Словении (на английском языке), которая нашла большой отклик во всем мире среди специалистов конституционного правосудия, имеющих высокую квалификацию.

Республика Армения, встав на путь демократического развития, должна придавать сверхбольшую важность современным достижениям в сфере защиты прав человека, вопросам защиты конституционных прав человека, тем более что они являются основными исходными и стержневыми положениями конституционных реформ.

Хотя не секрет, что в нашей стране очень малое делается с целью разъяснения людям их прав и гарантий защиты этих прав, а также повышения уровня правонаучной осведомленности общества, исходя из которого Конституционный Суд РА особое внимание уделяет системным подходам к этим вопросам изучению международного опыта в сфере конституционализма, мероприятиям по повышению правосознания населения, работам со школьниками и студентами.

В Конституционном Суде РА создана своеобразная и богатая информационная система, накоплена огромная информационная база, разработаны теоретически обоснованные и нашедшие практическое применение аналитические методы, которые удостоились высшей оценки органов конституционного правосудия разных стран.

Проделанная в Конституционном Суде РА работа отражена в сайте "Интернета" Конституционного Суда, в котором специально разработанным для этих целей методом

представления принятые Конституционным Судом РА постановления и документы, проделанная работа, издания, основные направления деятельности.

Отдельные разработки информационной системы представлены в виде лазерных дисков, которые предоставлены органами конституционного контроля многих стран, многочисленным научно-исследовательским центрам, библиотекам, учебным заведениям, ученым и специалистам.

Конституционный Суд РА основал свой "Вестник", в котором публикуются многочисленные научно-теоретические статьи, посвященные актуальным проблемам конституционного права международному опыту, реформам судебной-правовой системы, научно-правовым исследованиям и анализам. В вестнике освещается деятельность Конституционного Суда РА, публикуются постановления и заключения Конституционного Суда, дается информация об организуемых Судом и Центром Конституционного права РА семинарах, и различных научно-практических мероприятиях, о зарубежных мероприятиях и изданиях посвященных актуальным проблемам конституционного правосудия. С целью осведомления правовых систем и широких слоев общества "Вестник", начиная с 3-го номера 1999 г. публикует отдельные решения по конкретным делам Европейского суда по правам человека. "Вестник" Конституционного Суда РА вошел в список журналов для публикации материалов кандидатских диссертаций в Республике Армения.

Несомненно, 5 лет - исторически короткий промежуток времени, хотя есть сроки, которые для данной страны или ее какой-либо структуры имеют вековое значение. Таковыми являются эти пять лет для Конституционного Суда РА, которые стали годами становления, признания и выходя на междуна-родную арену.

А. О. Акопян
Руководитель аппарата КС РА

Прием в Конституционном Суде РА

В связи с 5-летием Конституционного Суда РА 6 февраля 2001 г. в Конституционном Суде был организован прием, на котором присутствовали Президент РА Р. Кочарян, Католикос всех армян Гарегин II, Премьер-министр РА А. Маргарян, Председатель Национального Собрания РА А. Хачатрян, ответственные работники Аппарата Президента РА, председатели постоянных комиссий и группировок Национального Собрания, министры, представители судебной системы и научной сферы, руководители вузов, главные редакторы газет и журналов, ответственные работники посольств и представительств в РА, руководители международных организаций.

Гостей приветствовал Председатель Конституционного Суда РА Г. Арутюнян.

Затем Президент РА Р. Кочарян, поздравляя с 5-летием Конституционный Суд, отметил, что за этот исторически короткий промежуток времени Конституционный Суд Республики Армения стал одним из состоявшихся и самоутвердившихся структур нашего молодого государства, который, несмотря на пока что ограниченные полномочия, играет большую роль в укреплении в республике конституционного правосудия.

Р. Кочарян подчеркнул, что сегодня основным регулятором конституционных реформ является Конституционный Суд Республики Армения во главе с Председателем господином Г. Арутюняном и не случайно, что в созданную по указу Президента Комиссию по конституционным реформам входят 2 члена Конституционного Суда РА.

Президент РА отметил также, что за 5 лет Конституционный Суд достиг международного признания, чему способствовали совместная работа с европейскими структурами, обсуждения ряда общих и актуальных проблем конституционного правосудия и контроля, защиты прав человека, проводимые в Ереване международные семинары и научные конференции.

Затем с 5-летием Конституционный Суд поздравили также Председатель Национального Собрания РА А. Хачатрян и Премьер-министр РА А. Маргарян.

Обращение Премьер-министра РА А. Маргаряна

Глубокоуважаемый господин Арутюнян!

Многоуважаемые члены Конституционного Суда!

Я рад возможности поздравить Вас с 5-летием Конституционного Суда РА.

Несомненна роль Конституционного Суда - одного из важнейших структур гражданского общества и правового государства - в государственной и общественной жизни. Будучи созданным с целью формирования эффективной системы конституционного контроля в Республике Армения, недавно приобретший независимость Конституционный Суд за прошедшие годы плодотворной деятельности достиг подобающих его предназначению престижа и авторитета, стал состоявшейся государственной структурой.

Его соответствующие законодательные уточнения, исходящие из опыта непродолжительной, хотя продуктивной деятельности, создают возможность обеспечения верховенства Конституции, гарантии сохранения принципа конституционного равновесия разделения властей, защиты закрепленных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

Желаю Вам дальнейшей успешной деятельности.

Обращение Председателя Национального Собрания РА А. Хачатряна

Глубокоуважаемый Председатель Конституционного Суда Республики Армения!

Уважаемые члены Конституционного Суда!

От имени Национального Собрания РА и лично от меня сердечно поздравляю Вас с 5-летием Конституционного Суда, желаю успешной и плодотворной работы, дальнейших успехов в Вашей многосторонней и столь важной деятельности во имя Республики Армения.

Невозможно переоценить роль и значение Конституционного Суда в деле становления и совершенствования судебной системы, углубления правосудия в республике, укрепления правовых основ государства.

Идея создания Конституционного Суда была тесно связана с необходимостью осуществления демократических процессов, разделения законодательных, исполнительных и судебных властей, формирования уравновешенной государственной системы.

В этом смысле, 5 лет - слишком короткий срок, но, несмотря на это, Конституционный Суд сумел не только доказать свой высокий профессионализм и беспристрастность при вынесении окончательных решений, но и создать в республике устойчивую морально-политическую атмосферу, внести большой вклад в дело построения правового, демократического государства путем правовых, объективных решений противоречий и разногласий между различными ветвями власти, их последовательного устранения.

Успехам Республики Армения во внешней политике за последние годы содействовал также Конституционный Суд благодаря проявлению принципиальной позиции в вопросах ратификации международных договоров, соответствия Конституции закрепленных в них обязательств.

С благодарностью отмечу, что сегодня дело соблюдения и безукоризненного исполнения требований Основного Закона Республики Армения - Конституции, ее гарантированности находится в надежных руках. В лице Конституционного Суда власти республики имеют прекрасную опору в деле успешной реализации их функций, разрешения политических, социально-экономических, духовных и культурных задач в стране. Этот факт - строго обязывающий, ответственный и почетный.

Желаю Вам на протяжении всех грядущих лет деятельности оставаться на высоте этой почетной обязанности и ответственности во имя дальнейшего укрепления Армянского государства, благополучия и процветания армянского народа.

**Председателем Конституционного Суда Республики
Таджикистан назначен Салихов М.С.**

26 апреля 2000 года Председателем Конституционного Суда Республики Таджикистан назначен Салихов Махмадназар Сахибович.

Салихов Махмадназар Сахибович родился 20 июня 1957 года в г. Курган-Тюбе Республики Таджикистан, таджик, семейный, имеет 7 детей, образование высшее, специальность юрист-правовед, в 1979г. окончил Таджикский госуниверситет, имеет почетное звание «Заслуженный юрист Республики Таджикистан» и специальное звание генерал-майор внутренней службы, в 1997 г. ему присвоен классный чин «Государственный советник Республики Таджикистан», в 2001 году присвоен высший квалификационный класс.

С марта 1974 г. по март 1978 г. работал курьером народного суда Октябрьского района, затем секретарем, судебным исполнителем суда Центрального района г. Душанбе.

С марта 1978 г. по январь 1984 г. - следователь, помощник прокурора прокуратур районов г. Душанбе.

С января 1984 г. по май 1987 г. - прокурор управления прокуратуры Республики Таджикистан.

С мая 1987 г. по май 1988 г. - заместитель прокурора Кулябской области Республики Таджикистан.

С мая 1988 г. по ноябрь 1992 г. - прокурор г. Канибадама Ленинабадской области Республики Таджикистан.

С ноября 1992 г. по ноябрь 1995 г. - Генеральный прокурор Республики Таджикистан.

С ноября 1995 г. по январь 1997 г. - заместитель министра внутренних дел Республики Таджикистан.

С января 1997 г. по апрель 2000 г. - Руководитель исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан.

**Председателем Конституционного Совета
Республики Казахстан назначен
Ю. Хитрин**

21 декабря 2000 г. Указом Президента Республики Казахстан Председателем Конституционного Совета Республики Казахстан назначен Хитрин Юрий Александрович.

Хитрин Юрий Александрович родился 24 августа 1946 года в городе Алма-Ате. Женат, имеет двоих сыновей и внучну.

Окончил Казахский государственный университет им. С.М. Кирова, юрист. Имеет классный чин государственного советника юстиции 2-го класса и воинское звание генерал-лейтенанта юстиции.

Трудовую деятельность начал станочником на Алма-Атинской мебельной фабрике. После окончания университета работал в 1970-1980 гг. стажером, следователем районной прокуратуры, следователем по особо важным делам Прокуратуры республики, начальником следственного отдела прокуратуры гор. Алма-Аты, заместителем начальника следственного управления Прокуратуры Казахской ССР.

В 1980-1987 гг. был прокурором Целиноградской области, в 1987-1990 гг. работал в Прокуратуре Союза ССР начальником отдела по надзору за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях, состоял членом коллегии Прокуратуры СССР. В июле 1990 г. назначен первым заместителем Прокурора Казахской ССР и членом коллегии Прокуратуры Казахской ССР.

С декабря 1990 г. по июль 1992 г. работал государственным советником Республики Казахстан по государственно-правовым вопросам. Курировал вопросы выработки единой правовой политики, мобилизационной подготовки, руководил разработкой указов и постановлений Президента, законопроектов, координировал деятельность судов, органов прокуратуры, МВД, Министерства юстиции, КГБ, Госкомитета обороны, Таможенного комитета.

В 1992-1997 гг. являлся заместителем Генерального прокурора, Главным военным прокурором, с ноября 1997г. - Генеральным прокурором Республики Казахстан.

Является членом Высшего Судебного Совета Республики Казахстан.

Избирался членом Комитета ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1987-1993 гг.).

Являлся Председателем Комитета по защите конституционного строя Совета Безопасности Республики Казахстан (1991-1993 гг.), членом Совета Безопасности Республики Казахстан, членом Высшего дисциплинарного совета Республики Казахстан.

Почетный работник Прокуратуры Казахстана.

Баглаю М.В. - 70 лет

13 марта 2001 года Председателю Конституционного Суда Российской Федерации Баглаю М.В. исполнилось 70 лет

Баглай Марат Викторович родился 13 марта 1931 года в г. Баку. Русский.

В 1954 году окончил юридический факультет Ростовского-на -Дону государственного университета.

В 1957 году окончил аспирантуру Института государства и права АН СССР в г. Москве. Доктор юридических наук (с 1968 года), профессор (с 1970 года).

С 1957 по 1962 годы - научный сотрудник Института государства и права АН СССР.

С 1962-1967 гг. - доцент кафедры Государственного института международных отношений МИД СССР.

С 1967 по 1977 годы занимал должность заведующего отделом Института международного рабочего движения АН СССР (ныне - Институт сравнительной политологии и рабочего движения Российской Академии Наук) .

С 1977 по 1991 гг. - проректор, а с 1991 по 1995 гг. - первый проректор Академии труда и социальных отношений. Одновременно работал профессором кафедры конституционного права МГИМО.

7 февраля 1995 года был избран судьей, а с 20 февраля 1997 года - Председателем Конституционного Суда Российской Федерации.

Член корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда монографий, учебников и научных статей.

В 1975 году награжден орденом «Дружбы Народов».